

УЛЕЙ

МЫ ПРИДЕМ ПОСЛЕ БОГОВ

Соня ФРЕЙМ

Соня Фрейм

Улей

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Фрейм С.

Улей / С. Фрейм — «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112031-3

Жила-была злая ведьма, начавшая шутку, над которой должен засмеяться весь мир. Но кто на самом деле засмеется в конце? Мертвая девушка, попавшая в услужение к этой колдунье? Сумасшедший хакер, застрявший между жизнью и смертью? Неудачливый учитель, случайно влезший в потусторонний бизнес? Или же безжалостная молодая ведьма, охотящаяся на своих соратниц? Теперь все они связаны. У каждого свои порочные интересы. И от этой шутки содрогнется весь мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-112031-3

© Фрейм С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	6
2	12
3	29
4	35
5	44
6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Соня Фрейм

Улей

В оформлении издания использованы материалы по лицензии
©shutterstock.com

© Соня Фрейм, 2019

© Тамара Герасун, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Маше

Вместе мы сожгли всех злых ведьм и свергли всех богов

Пчела и на себя, и на людей, и на Бога трудится.

Народная пословица

1

Как умерла девушка по имени Рут

*I started a joke which started the whole world crying,
But I didn't see that the joke was on me oh no,
I started to cry which started the whole world laughing,
Oh If I'd only seen that the joke was on me.*

*Я начала шутку, от которой заплакал весь мир,
Но я не поняла, что шутка была надо мной, о нет.
Я заплакала, и от этого засмеялся весь мир.
Если бы я только понимала, что та шутка была
надо мной.*

Bee Gees, «I Started a Joke»

Дверь была старая и обшарпанная. Обивка кое-где полопалась, и из-под тусклого кожаного заменителя лезло что-то белое. Но чем-то эта дверь выделялась на фоне двух других на лестничной площадке. Она словно говорила всем своим видом: «Я особенная», так и притягивая к себе взгляд.

В полутьме подъезда блестел глазок, казалось, смотревший прямо на Рут. Глубоко вздохнув, она нажала на кнопку звонка. Трель раздалась с небольшим запозданием. Руки были потные и холодные. Судорожно вытерев их о кофту, она поправила ремешок сумки, впивающийся в плечо.

«Главное – не трусь! – слышался в голове голос Свенни. – Она, конечно, стерва, но имеет право. Смотри ей в глаза и будь спокойна».

Изнутри загремел замок.

«Такую дверь взломать в два счета...» – непонятно почему подумала девушка.

На нее уставились два пристальных глаза: один – голубой, другой – желтый – и с ходу просканировали лучше любого рентгена.

– Здравствуйте, – еле слышно вымолвила она. – Я...

– Всегда мнешься перед дверью, прежде чем позвонить? – недовольно спросила женщина.

На вид хозяйка была чрезвычайно заурядна: одета в шелковый халат в китайском стиле, а на голове – так вообще махровое полотенце. Пыльные светло-голубые тени странно оттеняли ее разные глаза. Но, пожалуй, это единственное, что казалось в ней мистичным. В остальном вердикт уже вырисовывался сам: молодящаяся домохозяйка в постклимактерической фазе, не желающая это признавать.

«О боже мой... – подумала Рут. – И ради этого зрелища я тащилась до Пфорцхайма?»

– Ну, что встала-то? – рявкнула ей женщина. – Входи или проваливай!

«Вот это прием...»

Но вслух Рут не вымолвила ни слова и спешно переступила порог, окунувшись в дивную смесь царивших в квартире запахов: кошачьей мочи и курева. Жилище оказалось таким же безвкусным, как и его хозяйка. Полки забиты статуэтками, канделябрами, пустыми рамками; чуть ли не каждый сантиметр пола и стен покрыт разнообразными коврами, мало между собой гармонирующими. А на диване валяется мерзейший, жирный кот. Он как-то по-человечески взглянул на Рут и лениво потянулся.

Хозяйка вскоре деловито вошла в комнату и неспешно прикурила. Значит, вот она какая... Кларисса.

Когда ей об этом рассказывала Свенья, все представлялось иначе: мистичнее. Рут была как на иголках. Не этого она ждала. Не этой жуткой квартиры и не такой хозяйки. Ясное дело, Кларисса – не немка. В речи слышится славянский говорок с подхваченным швабским акцентом – безвкусная смесь, присущая всем мигрантам в Баден-Вюртемберге...¹ Да и на жилье мощная печать восточноевропейского китча.

– Я не поняла, будешь говорить или нет? – вдруг вполне дружелюбно осведомилась Кларисса.

– Что? – Девушка очнулась и затараторила: – Извините. Да, конечно. Меня зовут Рут, вас мне порекомендовала моя подруга Свенья, она была у вас неделю назад и дала телефон...

Кларисса слегка поморщилась и разогнала дым тонкими пальцами. Ее разноцветные глаза неотрывно следили за гостьей, поблескивая словно два драгоценных камня.

– Она сказала, что вы можете посмотреть... ну... что будет... и причины моей проблемы...

Найти эвфемизм такому позорному слову, как «гадание», внезапно оказалось невероятно сложно.

– Ты всегда на кого-нибудь ссылаешься? Сама хоть в чем-то уверена бываешь? – опять резко спросила Кларисса, глядя на Рут как на пригоревший пирог.

Под прицелом ее недобрых глаз девушка постоянно чувствовала себя виноватой. Тяжело вздохнув, женщина наклонилась и сказала:

– Вот что, деточка, с таким характером ты в жизни далеко не уйдешь. Это и к гадалке не ходи.

Последовала новая затяжка, сопровождающаяся тонким хихиканьем. Рут потупила взор, разглядывая цветы на рвущейся клеенке. Место и эта дама были ей просто отвратительны. Но надо узнать, иначе уже никак.

– Что уж говорить про личную жизнь, – фыркнула Кларисса.

Она прищурилась и добавила:

– Он тебя никогда не полюбит.

– Как вы узнали, почему я пришла? – обомлела она.

Кларисса манерно закатила глаза.

– Да все вы приходите с одним и тем же. Что с вас, девочек, взять? Он меня не любит, почему, как влюбить... Ля-ля тополя, душу отдам, жизнь... – она зевнула, а затем почти ткнулась в нее своим маленьким острым носом: – Никогда не клянись своей душой. Жизнью – можешь: их много у человека. Но душой – никогда, поняла меня? Иначе пропадешь. Все слова всегда слышаны.

От ужаса Рут потеряла дар речи и смогла только кивнуть. Кларисса медленно отстранилась, продолжая оценивающе разглядывать свою клиентку. Та, в свою очередь, не могла не отметить, что гадалка все-таки артистична. Умеет себя подать, даже с полотенцем на голове.

– Единственный ребенок, – выдала тем временем гадалка. – Мать-одиночка растит к тому же, из сил выбивается, чтобы тебя, балбеску, одеть в эти дорогие шмотки и дать образование. Только хреново ты учишься. И блузка эта тебе не идет.

Кларисса вдавила окурок в пепельницу, и тот погас. Дым вскоре рассеялся, и стало яснее.

– Милая, ну не твой он, – почти ласково добавила она, улыбаясь непонятно чему. – Не твой человек. И вообще лежачий какой-то, столько женщин вокруг него... Не только молодых. Заласкан он мамами и бабушками, сам как баба стал. Не твой человек.

¹ Баден-Вюртемберг – федеративная земля в Германии; город Пфюрцхайм, куда приехала Рут, находится на ее территории. – Здесь и далее примечания автора.

И она отрицательно помотала головой. Сказанное больно било по девичьим надеждам. При этом у Рут с легким сопротивлением рос неподдельный интерес. Что она видит? Как она это видит? Она же ей ни слова о своей проблеме не сказала.

– Не скоро ты кавалером обзаведешься, – подытожила Кларисса. – Не идут они к тебе...

– Почему? – с беспокойством спросила девушка. – Что не так?

– Сейчас будем смотреть, – последовал тяжелый, наигранный вздох. – Сиди, не рыпайся...

Как будто она вообще могла пошевелиться.

Кларисса под собственное бормотание начала копать в комод. А Рут внезапно стало очень тоскливо и одиноко. Невольно зашевелился извечный пессимизм, который зловеще зашептал: «А ты какого ответа ожидала? Неудачница ты, Рут. Хотя бы потому, что пошла решать свои проблемы через какую-то га-дал-ку!». На глаза навернулись слезы. Хотела бы она быть сильнее и справляться со всем сама...

– Да не реви ты, – брезгливо сморщилась женщина. – Вот же размазня... Ты что, думаешь, у тебя самое большое горе? Ко мне женщина ходит, третьего ребенка потеряла. Ее прокляли. А у тебя что? Тьфу... Так, это нам не понадобится... Это – тоже...

Кларисса разбирала завал в ящике, постоянно что-то роняя на пол. Кот лениво следил за ней с дивана, слабо помахивая хвостом. Рут продолжала пребывать в вакууме. Все казалось фальшивым, неправильным, но раз уж заварила кашу – так ешь, как бы ни тошнило.

– Самое большое горе – всегда собственное, – наконец мрачно ответила она. – Я сейчас не на месте той женщины. В чем смысл таких сравнений?

На нее впервые взглянули с ощутимым интересом. Откинув куда-то в сторону клубок с нитками, гадалка хмыкнула:

– Пospорь еще со мной.

Рут ожидала, что она извлечет свечи и хрустальный шар, но Кларисса оставила на столе лишь колоду карт Таро и откуда-то взялся новенький планшет. Эта современная вещь в контексте их беседы смотрелась странно.

– Так, дату и время рождения говори. И город. Я просила приходить только с этими данными.

– Двадцать второе ноября... года. Шестнадцать пятнадцать. Кельн.

– Шестнадцать пятнадцать, – невнятно повторила Кларисса, увлеченно тыкая в экран планшета.

При этом ее ногти каждый раз издавали холодный стук.

«Ничему не удивляйся! – тархтела Свенья. – Она о-о-очень современная женщина и страшно умная. Просто слушай ее. Она всего лишь на меня посмотрела и сразу сказала, что он на мне женится. И он сделал мне вчера предложение! Вот откуда ей это было знать-то, а?»

С логической точки зрения, все могло быть иначе. Кларисса – безусловно, хороший психолог, но та еще стерва. Любит устраивать шоу с метлой, а сама сыплет всякими клише...

Нет, как она узнала, что вокруг него столько женщин?

«Эй-эй-эй, она говорит вещи, которые могут быть правдой, о любом мужчине и любой женщине. Это игра на таких банальностях! Уходи отсюда, Рут, пока она окончательно не испортила тебе настроение и не ободрала как липку...» – не унимались доводы разума.

Кларисса продолжала тыкать по экрану планшета.

– Не люблю я вручную составлять эти натальные карты. Спасибо технике... А! Готово. Милая, – вдруг ее тон опять сменился, окончательно вводя девушку в заблуждение, – теперь он звучал удивленно и как-то до жути рационально: – Ты привязана к своей прошлой карме. Южный узел в Раке в трине к Солнцу.

Рут взирала на нее, как рыба пялится на людей из аквариума, и молчала. А та всю вешала про Солнечную систему:

– Плутон у тебя в седьмом доме, это планета рока и страданий. Не быть тебе счастливой, так на роду написано...

Каждое слово ощутимо било по голове, и на смену первичному благоговению перед ее третьим глазом пришло глухое раздражение.

«Пошли эту перечницу в задницу и вали!» – уже орал внутренний голос, но Рут все ждала чуда.

Кларисса словно не замечала перемен в своей клиентке. Отодвинув планшет, она взялась за карты и небрежно смешала их.

– Тяни давай. Будем выяснять, что на тебе кроме кармической предрасположенности, чтобы быть неудачницей.

С унылым лицом Рут вытащила наугад две карты.

– Луна и Смерть. Порча на тебе, милая. О, смотри, Шесть кубков сама упала... Сглазили в детстве. Тяни еще... Императрица перевернутая. Женщина с двумя детьми. Дочки у нее. И глаз черный. Всех сглаживает. По тебе проехала от души. Да и маме твоей досталось. Ее зовут Альма...

Вдруг Рут впервые почувствовала что-то вроде доверия, и она взглянула на Клариссу по-новому. Та облокотилась о стол, задумчиво разглядывая карты. Изображения ничего не говорили клиентке, зато гадалка явно видела в них больше чем просто картинки. Но сильнее всего Рут насторожило произнесенное имя.

Альма действительно существовала. Просто – бинго! – приз в студию. Знакомая ее матери, с двумя дочерьми, что примечательно. Этого Кларисса никак знать не могла.

– Мама твоя поэтому не вышла замуж. Ты тоже не выйдешь, пока на тебе порча от этой Альмы... Да уж, ну и женщина, – протянула Кларисса, выглядя заинтригованной и даже слегка восхищенной. – Завистливая, злая, но за детей своих убьет... Во всех видит их врагов. Вот и сглаживает... Тяни еще...

– Да так всю колоду можно выложить, – нервно усмехнулась Рут.

Ответа не последовало, гадалка впала в легкий транс. Взгляд уплыл, и только пальцы невесомо водили по картам. Вдруг на девушку поднялись ее помутневшие глаза, и Кларисса произнесла:

– На твоей личной жизни сидит большая черная кошка. Она не дает тебе пройти.

Образность слов усиливалась странным поведением. Гадалка медленно коснулась ее ладони и протянула с еле уловимым злорадством:

– А, вижу... вижу... Ты еще сама себя здорово отравила... негативными эмоциями. А Альма тут просто до кучи... Но себе ямы не роют, понимаешь? Ибо все ямы – это могилы.

Ее речь продолжала звучать, даже когда Кларисса замолчала. Ощущалось, будто ведьма сейчас прицельно и со вкусом плюнула ей внутрь.

– Ну что... надо снимать... Все могу, кроме кармического. Это ты заслужила. – Капля потустороннего шарма, на миг проглянувшая в ней, пропала, и опять появилась недовольная стареющая женщина. – И вижу еще... будет у тебя все-таки мужчина, особенный. Другого не дано. Сниму порчу от Альмы твоей – и потянутся к тебе парни. Но не задержатся. Потому что тебя как магнитом сквозь жизнь тащит к одному человеку.

Рут встрепенулась: ну хоть одно приятное пророчество.

– Он словно здесь и не здесь, – удивленно воскликнула Кларисса, с прищуром глядя на Рут. – Я вижу... перекресток. Где-то на перекрестке встретишь его. Но пока не понимаю, как... Странно.

Настроения гадалки чередовались с патологической быстротой. Ясновидение, похоже, граничит с шизофренией.

– А замуж я выйду? – напряженно спросила Рут.

Все-таки она была всего лишь девушкой, со своими девичьими заботами. Взгляд Клариссы стал прозрачнее, она словно читала ее жизнь в ее же лице.

– Нет, милая, не вижу у тебя брака. Тут ничего не поделаешь.

Рут опустила голову. Ее снова начала душить паника. Почти на все важные вопросы она получила решительное «нет», похожее на смачную пощечину.

– А дети? Дети будут? – еле слышно спросила она.

– И детей тоже нет, – покачала головой Кларисса. – Будет мужчина, я уже сказала. Но на вас обоих пелена. Вы где-то... между... Словно оба вычеркнуты из жизни...

Снова накатила необъяснимая паника. К гадалкам ходят, чтобы узнать, что все будет хорошо. А если все плохо, то это уже не поправить. В груди стала испуганно трепыхаться стая маленьких птиц, причиняя необъяснимую боль. На мгновение все звуки словно растворились, а потом вернулись с обостренной ясностью.

Как громко тикают часы в этой комнате... будто время ей отмеряют.

Кларисса вдруг подмигнула желтым глазом и заговорщицки спросила:

– Хочешь, приворожим твоего пупсика, по которому ты слезы льешь? Поиграешься, ну? Будет ходить за тобой как укуранный. – И ее голос вдруг засеребрился сладким искушением. – Спать не будет. Все бросит, чтобы рядом быть. Хочешь так? Я могу.

– Нет, приворот – это неправильно, – шмыгнула носом Рут.

– А мы ничего не нарушаем, – с очаровательной улыбкой развела руками Кларисса. – Тут нет никаких причинно-следственных связей, я имею в виду между тобой и этим мамсиком. А раз их нет, то нет и кармы. Значит, все можно. Пошалим?

Все можно.

Из палача ведьма превращалась в ярмарочного зазывалу.

Кларисса даже похорошела, словно одна мысль о «шалости» сделала ее на несколько лет моложе.

Рут глубоко вздохнула и сказала себе: «Так, хватит этого дерьма».

– Я пойду. Визит к вам был ошибкой.

Кларисса поскунчила и сказала:

– Сто евро за гадание.

Клиентка молча выложила деньги на стол и двинулась к выходу. Шаг был тяжелым. И выходила она из этой комнаты опустошенная и постаревшая.

– Да ладно тебе, – бросили ей вслед. – Поверь: если это судьба, то ничего нельзя сделать. Отвечать не хотелось.

Как же надоели ее пророчества, походящие, по правде говоря, на обычное злопыхательство. Но казалось, чем больше Кларисса говорит, тем хуже все будет складываться. Слова гадалки точно обладали даром портить все, о чем шла речь.

– И еще обиделась на меня, смотри-ка. Правду надо уметь принимать! Я тут не шучу. Это ты у нас как клоун в цирке ломаешься и не понимаешь, что все вокруг ржут над тобой!

– Да шла бы ты, хамка старая! – не выдержала Рут. – Крутись сама в своей карме.

Смех Клариссы раздробился и окружил ее со всех сторон как дурная акустическая иллюзия.

Рут понеслась вниз по ступеням, едва разбирая путь. К черту все. Чтоб она еще раз послушала Свенью и пошла к гадалке... Дверь подъезда распахнулась, и она оказалась под косыми струями дождя. Пфюрцхайм утопал в потоках воды. Обувь тут же промокла. Девушка ринулась со всех ног вперед, не разбирая дороги, и несколько прохожих с непониманием уставились на нее из-под зонтов.

Впереди на перекрестке виднелся светофор. Зеленый сменился красным, но было плевать. Только бы унести ноги из этого гадкого города.

Раздался визг колес, и последовал глухой удар. Кто-то вскрикнул.

Рут умерла в одно мгновение. Тело не двигалось, а от головы растекались ветвистые алые пятна, которые размывал дождь.

Шутка была над тобой. Жаль, что ты этого не поняла.

2

«Невидимая армия»

*If I was made equal, is this what I get:
a bunch of stories to interpret?*

*Если мы все равны, то неужели это все, что мы
получаем:
кучу баек, чтобы их толковать на свой лад?*

Röyksopp, «Tricky Tricky»

«Три крупных банка Германии подверглись хакерской атаке, в результате которой на трое суток были выведены из строя их веб-сайты и банкоматы.

Генеральный директор „Омега-финанс“ Марио Вега опроверг слухи о банкротстве и ограблении в своем официальном заявлении, заверяя, что средства вкладчиков в полной сохранности: „Мы стали жертвой хулиганской выходки, и нарушителей уже разыскивают“.

Однако масштаб этого хулиганства не вписывается в рамки невинной шалости. При таком раскладе прогнозировать дальнейшее будущее „Омега-финанс“, а также Народного банка и МТА-банка легко: как только их системы оправятся от хакерских атак, вкладчики просто потеряют к ним доверие...»
«Южногерманская газета»

«После шокирующей серии хакерских атак на банки, в результате которых были заблокированы их веб-сайты и банкоматы, новый удар оказал по-настоящему жестокий эффект.

Рассылка анонимных электронных писем и СМС с предупреждением о банкротстве вышеназванных банков повлекла за собой массовый отток капитала. Многие клиенты – от простых вкладчиков до крупных предприятий – забрали свои вложения и перевели их на хранение в более надежные зарубежные банки. Ввиду предыдущих событий вероятно, что финансовые учреждения подверглись намеренной дискредитации.

По оценкам финансистов, МТА-банк уже сейчас находится на грани реального банкротства...²»

«Обзор 24»

«Веб-сайты всех министерских ведомств заблокированы неизвестной группой злоумышленников. Вместо доступа к сайту появляется видеозапись с человеком в черной маске. Ниже транскрипция его сообщения:

„Мы – „Невидимая армия“. Нас миллионы. Мы знаем вас в лица, вы нас – нет. Мы – те, кто несет правду не из каких-то высоких убеждений. Просто мы не любим вранье. Вы заслужили все, что сейчас происходит. И дальше будет еще веселее... Готовы попасть как пешки?“

² Реальное банкротство – полная неспособность предприятия восстановить свою финансовую устойчивость.

Попытки идентифицировать неизвестного злоумышленника и его „Невидимую армию“ лучшими специалистами страны в области программирования пока безрезультатны...»
«Время»

* * *

Пресса фанатично смаковала пришествие «Невидимой армии», она уже любила ее.

Они явились словно из разверзнувшихся небес и стали жестоким бичом, линчующим банки, крупные концерны и государственные институты. От шуточных взломов «Армия» перешла к большим делам. Один за другим в Сети появлялись свидетельства коррумпированности известных политиков и международных организаций. СМИ получали анонимные доказательства незаконных слежек, секретные документы о нарушениях прав человека в разных странах мира, антигуманном обращении, фальсификации результатов выборов... Да чего там только не было!

Политики били тревогу и все чаще поднимали тему кибербезопасности: «Интернет пора контролировать!».

Но вычислить «Невидимую армию» не получалось. Все концы как в воду канули. Лучшие специалисты не могли установить ее местонахождение. Существовали лишь спекулятивные догадки. Сторонники конспиративных теорий утверждали, что «Невидимая армия» – мировая сеть хактивистов³, имеющая ячейки в каждой стране.

«Бороться с такими невозможно. Это враг, у которого нет лица. Он повсюду».

Другие полагали, что это кибервойна между мировыми державами, а «Невидимая армия» – просто фикция и посему универсальный козел отпущения.

«Это все США!»

«Нет, Китай!»

«Поверьте, за всем стоит Россия!»

Согласно еще одной любопытной версии, они были частью мирового джихада агрессивных исламистов, которые перешли к цифровым бомбам, или являлись прислужниками мормонов, масонов, сайентологов и даже НЛЮ!

«Кем бы они ни были, „Невидимая армия“ – не просто киберхулиганы. Они – настоящие преступники!»

Никто не знал, что их всего десять. Да, они из разных стран. Да, они – гении, без ложной скромности. Но никому из них не нужно это долбаное мировое господство. Ни на кого, кроме себя, они не работают.

«Мы делаем то, что войдет в историю, – говорил их предводитель Винсент, и его голос эхом оседал в ушах его солдат. – Мы и есть история».

Много ли надо человеку, чтобы поверить в собственную значимость?

Улыбка пробежала по губам Винсента, когда он глядел в глаза тех, кто пошел за ним. Десять сильных и чертовски умных парней. Каждый из них бесценен. Каждого он отыскал лично. У него был нюх на исключительные артефакты.

«Пусть каждый из вас отринет сомнения. Быть против всех непросто, но вы выбрали ваш путь. Так примите его безоговорочно. Это, безусловно, будет жизнь в тени, жизнь, полная лжи, хотите вы того или нет. Ваши матери, жены, девушки, дети никогда не узнают, кто вы на самом деле. Ради их же блага. Вы больше не принадлежите им. Вы даже себе не принадлежите.

³ Хактивизм – использование компьютеров и компьютерных сетей для достижения различных политических целей, борьбы за свободу слова, защиты прав человека и обеспечения свободы информации.

Мы объявляем войну лжи и информационной монополии. Мы объявляем войну структурному насилию и двойным стандартам. Это наша судьба – показывать другим то, что сокрыто от глаз».

Его армия внимала. Они были подключены к нему как провода.

В Интернете их шуточно окрестили «сплетниками глобального масштаба», а Винсент только подливал масла в огонь: началось производство мемов и разжигание холиваров в «Фейсбуке» и других социальных сетях. Так «Невидимая армия» превратилась в любимчиков рядовых пользователей, далеких от политических склок.

«Поставляя людям смех – и тебя полайкают, даже не зная, кто ты. Тебя поддержат авансом, если ты – залог хорошего настроения в ленте...» – хохотал Винсент, наблюдая за сетевой истерией вокруг их персон.

«Невидимая армия» всегда работала слаженно и быстро. Сам Винсент давал им полнейший карт-бланш и при этом умудрялся контролировать каждый их шаг. В его стиле было много от компьютерных программ: он мог организовывать процесс, оставаясь при этом незаметным.

Он стал тенью тени. Он был сердцем их невидимой армии.

Но никто из ребят не мог сказать про него что-то конкретное. Очевидно только, что он гений и псих каких поискать.

Верил ли он сам в то, что говорил?

Его последователи почему-то верили, хотя порой казалось, что они немногим отличаются от сектантов.

«Тшш, – хмурился Винсент. – Мы – не секта, а клуб по интересам. Сектанты к тому же просто твердолобые верующие. А мы – небожители. В мире, где так много потоков информации, не может быть абсолютной правды».

Винсент стал их черным пророком. Он не говорил, а изрекал и убеждал как никто.

Они не просто издеваются над сильными мира сего. Они рассказывают истории, о которых другие хотели бы умолчать. Но мир не такой одномерный, каким его стараются представить те, кому это выгодно. А раз так, то их дело – крестовый поход без бога, но во имя истины.

* * *

Винсент вышагивал по узкому проходу меж столов. Ноги в тяжелых ботинках на автомате переступали через спутанные провода и кабели, а парни, как всегда, ловили каждое его движение. Дойдя до конца прохода, Винсент развернулся и послал им озорную улыбку.

– Итак, моя невидимая армия, – с осязательным удовольствием произнес он эти слова, – мы прошли с вами нескудный путь...

Он уцепился за балку на потолке, и в синеватом отсвете мигающих мониторов повисшее тело выглядело как труп. Затем ботинки гулко коснулись пола, подняв легкое облако пыли.

– ...И-и-и следующая наша цель – тюрьма для особо опасных преступников «Прометей»!

Воцарилось молчание, в котором, очевидно, должны были протрубить фанфары.

– Что вы слышали о ней?

– Это закрытое заведение строгого режима. Туда никого не пускают, – подал голос Саид.

– В точку. Она возникла внезапно, и о том, кто в нее попадает, ни черта не известно. Я думаю, – и палец Винсента взлетел вверх, а глаза полыхнули знакомым всем огнем веселого безрассудства, – там творится что-то не очень красивое. Нарушаются права человека, ставятся негуманные эксперименты... Я просто чекнул их вчера, попытался просмотреть, что у них в системе, – безрезультатно.

Пронесся легкий шепот недоверия. Чтобы Винсент ничего не нашел в чужом компьютере? Да он господу бога взломает, что уж говорить о тюрьме.

– Потому что в их компах... ни-че-го, – отчеканил он, выглядя не на шутку раздосадованным. – Никаких данных о заключенных: ни личных дел, ни директив сверху или информации о кейтеринге. Считай, они не ведут документацию. Только информация о составе охраны.

– Да не может быть, – подал голос Кшиштоф. – Это просто какая-то защита, до которой мы не доросли.

На это Винсент только возмущенно фыркнул.

– Мы доросли до всего. Мир нам мал.

Кто-то издал очередное сомневающееся «хм». Среди парней начался спор:

– Это нереально. В их сервере должна быть база данных с заключенными.

– Тебе же сказали, что ничего нет.

– Тогда зашифровано.

Винсент нетерпеливо пощелкал пальцами, ловя тишину, и продолжил в своей самоуверенной манере:

– Мое мнение: они просто не хранят в нем информацию, вот и все. Где-то есть другой сервер. Поэтому придется добывать ее иначе – своими руками. У меня есть информатор в «Прометее», который сообщил, что условия для внедрения сейчас самые подходящие. После завтра в тюрьму прибывает новый отряд охраны. Ввиду этих обстоятельств новые лица никого не удивят: ни стариков, ни новичков. Нас проведут внутрь и проинструктируют об обстановке. Это максимум, который может сделать наш человек. Цель – проникновение во все помещения, тайная съемка и добыча компромата. Если подфартит, то доберемся до серверной комнаты и узнаем, действительно ли у них девственные компьютеры. Затем предадим все найденные материалы гласности. Обещаю вам: это будет вылазка века.

Обычно он умел обращать свои обещания в их веру.

Но в этот раз план казался абсолютно безрассудным. Послышался легкий шепот, одна из фигур в полумраке привстала из-за стола, и раздался вопрос:

– Как-то это... не по нашему профилю, не находишь?

Винсент сощурился, глядя на того, кто говорил. Акифуми. Самый критичный. Наименее внушаемый. И чертовски умный. В ответ предводитель только спокойно спросил:

– И почему не по-нашему?

– Потому что мы – хакеры, а не тайные агенты или мордобойная сила. Мы действуем через компьютерные системы, не напрямую.

– Ну а мы расширим профиль.

У Винсента все было так легко.

Разлилось обескураженное молчание. Возражать ему никто никогда не решался. Он посмеивался, и в глазах зажглись дьявольские искорки. Сейчас их главарь походил на настоящего черта, хотя не имел и намека на рога и копыта.

– Чтобы незаметно попасть в здание, нужно взломать систему безопасности, – деловито продолжил он. – Это мы можем сделать хоть отсюда.

– А ты уверен, что там есть что искать? Может, все это – слухи? – не унимался Аки.

Винсент повел шеей и лениво протянул:

– У меня чутье на информацию. От «Прометей» несет грязными тайнами. Что требуется от вас, парни? Для начала взломать робота «Прометей» и послать ложный видеосигнал их системе наблюдения в момент проникновения в тюрьму. Наш человек может провезти нас внутрь на машине, но, чтобы мы вылезли из нее незамеченными и прошли мимо камер, надо внести корректировки. Я глянул вчера на все их примочки. Система безопасности крутая, но нам по зубам. У нее есть слабость: все управляемые роботом системы фокусируются на функционировании самих роботов, а не на их защите. На месте я все возьму на себя. Но кто-то из вас должен пойти со мной, и это мы решим позже.

Парни немного расслабились. В начале его речи всем показалось, что они должны лезть вместе, но их предводитель, к счастью, пока не настолько спятил.

Винсент откинул голову назад и слегка прикрыл глаза. Казалось, он устал. В слабом свете вокруг него серебрились кристаллы пыли, словно творилось волшебство. Все выжидающе тарасились. Наконец он закончил свою непонятную медитацию, открыл глаза и невинно улыбнулся:

– Ничто в мире не будет прежним после нас. Мы будем менять разрушая. А если это знаю я, то знаете и вы.

* * *

– Почему тюрьму называли «Прометей»? – недоумевал Нико. – Прометей украл огонь у богов. А тут наверняка сидят серийные убийцы.

– Может, они тоже что-то украли у богов, – сказал Винсент и потрепал Нико по и без того взъерошенным волосам.

– И кто боги? – скептически спросил он.

Ответа не последовало, Винсент следил за работой своих программ в компьютере.

Нико был самым младшим: ему исполнилось только пятнадцать. Все относились к нему снисходительно. Он казался ребенком из-за круглого детского лица, которое плохо вязалось с кожаной курткой и цепями. Но этот щекастый малец шарил в железе как бог – за это его и взяли в «Невидимую армию».

Они с Винсентом сидели в их старом фургончике, припаркованном на обочине пустой дороги. Ни луны, ни звезд видно не было. И так они торчали тут уже три часа.

– Может, посмотрим фильм? – снова спросил Нико.

Долго молчать он не мог. Винсент сидел рядом, закинув ноги в тяжелых ботинках на стол, и выглядел, как всегда, озорным и увлеченным. В его глазах горел опасный огонек.

Нико любил его как старшего брата, которого у него не было. Они даже действовали почти синхронно, и вот почему его взяли на это задание, хотя уместнее было привлечь кого-нибудь постарше и опытнее: Кшиштофа или Антона. От этого Нико чувствовал себя безумно важным.

На часах мигало час ночи. В фургоне стоял промозглый холод, и паренек завернулся поплотнее в свою куртку. Скорее бы уже разделаться со всем... Хотя домой тоже не хотелось из-за отрешенной мамы, ее вечно пьяного любовника и надоедливых младших... Лучше уж здесь, у черта на рогах, но с Винсентом.

Тайком он снова покосился на предводителя, который сидел в одной майке на голое тело и даже не ежился... Его взгляд ушел в себя – он всегда был немного не здесь. В некоторые короткие мгновения Нико казалось, что он его не знает.

– А почему мы не взяли еще людей?

– Потому что справимся вдвоем. И ты меня понимаешь. Люблю сообразительных.

Скорее, он ему доверял больше, чем другим. Но Винсент никогда не формулировал свои мысли так эмоционально.

Воцарилось молчание. Тогда Нико снова стал говорить, так уж он был устроен:

– А вообще эти, в «Прометее», хитро придумали со своей системой обеспечения током и водой. Ни от кого не зависят. Наблюдение со спутника. Детекторы движения. Если верить, конечно, этим фактам. В целом смахивает на фантастический фильм.

– Не задумывался, зачем тюрьме такие выкрутасы? – вскользь спросил Винсент.

– Ну, не знаю. Все-таки там держат опасных преступников. Говорят, там террористы.

Предводитель «Невидимой армии» позволил себе холодную усмешку.

– Сколько терактов было в стране за последние десять лет?

– Э-э-э...

– Ни одного, – ответил он за Нико. – Так кого там держат? Не их государство боится, а нас, тех, кто снаружи и может что-то разнюхать. Руку на отсечение даю: там творится какое-то дерьмо.

Оба уставились на монитор другого компьютера, где отображалась трехмерная модель тюремного здания. Двухсотместный комплекс, занимающий площадь в девять гектаров. Да на всю Германию не наберется столько особо опасных...

– Знаешь, это забавно... – чуть позже пробормотал Винсент, не отрывая от экрана слегка воспаленных глаз. – Люди одержимы страхом и паранойей. Мы придумываем новые средства защиты, усложняем наш мир, замуровываем себя и свои ценности... но никогда, заметь... никогда не ждем удара изнутри. Почему-то он всегда должен быть извне. Это большая ошибка. В этом наше преимущество, Нико.

Нико слушал во все уши: Винсент всегда говорил что-нибудь интересное.

Внезапно в наушниках раздался голос Саида.

– Ребята, как слышно?

– Звучишь как музыка, – сказал Винсент.

– Мы уже в их системе безопасности. Слушайте внимательно. После того как вас проведут, мы, как и планировали, посылаем их камерам ложный видеосигнал. У вас есть примерно две минуты, чтобы пройти из гаража в здание. Когда будете там, мы возвратим трансляцию из гаража в нормальный режим.

– Отлично.

– Взломать их оказалось раз плюнуть, ты был прав, – хихикнул Саид. – И, что самое интересное, лазерных ловушек и детекторов движения там все-таки нет. Робот контролирует двери, видеонаблюдение и питание. Поэтому теперь у нас козырь в рукаве: доступ к обеспечению током. Обрубив его, мы, по сути, обрубим им все. Но это очень радикальный метод. Теперь еще раз о доступе: все входы и выходы управляются электронными ключами. Идентификация в служебные помещения проходит по биометрическим замкам: отпечаткам пальцев и сетчатке глаза. Мы можем через робота открыть вам эти двери, но потребуется время. И если захотите сами прогуляться, помните, что надо отделаться от охранника, который вас выгуливает. Что проблематично... – чуть помрачнел голос Саида.

На это Винсент только странно улыбнулся.

– Не забудьте закрепить видеожучки повыше на униформе. Если вы просто увидите что-то запретное, запись – уже компромат, и тогда не надо будет искать серверную комнату. Надеюсь, обойдется без инцидентов. Мы не сможем вас прикрыть в таком случае... И еще один момент...

– М-м-м? – спросил Винсент.

– Мы не видим видео из тюремных камер. В системе есть первый этаж, коридоры второго и третьего и периметр.

– Они не снимают заключенных?

– Либо нет, либо... я не знаю. Может, эти данные зашифрованы. Хотя весь «Прометей» у нас на ладони.

– Я разберусь на месте.

Саиду эта фраза не понравилась, как и Нико. В ней чудился какой-то подвох.

– Винсент, ты слышишь? Никаких рисков. Если там действительно ничего... На «нет» ведь и суда нет.

– Если мы застрянем там и не выберемся, как планировали... ты знаешь, что делать. Обрубай им электричество.

– Нет гарантии, что это даст вам шанс выйти. Ты ничего не можешь противопоставить летящей в тебя пуле.

И Саид временно отключился.

Нико хмурился, неотрывно следя за предводителем. У Винсента явно что-то на уме. Иначе откуда эти опасные светлячки в глазах и загадочные ухмылки?...

– За что ты мог бы умереть? – внезапно спросил тот.

– Я не хочу умирать.

– Ты всегда должен быть готов к смерти. Так за что, Нико?

Вопрос был так себе.

– Ну... может, защищая родных и близких.

– Хм-м-м, – протянул Винсент, явно не удовлетворенный ответом.

– Мама постоянно переживает. А еще у нее астма.

– Сочувствую.

Внезапно Нико врезал Винсенту по плечу и сердито заявил:

– Да ничего ты не сочувствуешь. Ты не знаешь, что это такое.

В ответ ноль реакции. Их вожак опять ушел в себя. С ним такое происходило: как будто контакты разъединялись.

– А ты? – тихо спросил Нико, чуть смутившись своей импульсивности. – За что умер бы ты?

Медленно Винсент повернул к нему голову, и в лице мелькнуло что-то отстраненное и пустое.

– За себя.

– А как же твои близкие?

– У меня их нет, Нико. Я все делаю только ради себя.

– А наше дело?

– Наше дело и есть я.

На часах было почти три часа ночи. Винсент резко встал, не обращая внимания на остолевшего младшего коллегу.

– Пора. Помнишь, что я тебе говорил?

– Да...

– Ну-ка повтори.

– Я ничему не удивляюсь, не спрашиваю, подыгрываю.

– Да. И меня слушаешься.

– Ага.

Нико едва поспевал за его широким быстрым шагом. На самом деле он понятия не имел, что у них за план. Винсент ничего толком не объяснил, только велел поддакивать да повторять. Откуда вообще взялся его информатор? С собой они взяли только один маленький компьютер, который предводитель намеревался как-то протащить внутрь и подключиться с ним к серверу, если они вообще доберутся до этой комнаты. Успех предприятия целиком и полностью зависел от поддержки ребят и везения. Потому что тюрьмы и военные объекты они еще не взламывали – ни дистанционно, ни, что уж говорить, буквально. Что если они облажаются?

Нико чувствовал себя не в своей тарелке. В мире комплектующих для компьютера он был королем. В обычной жизни ему всего лишь пятнадцать.

Они замерли между двух сосен, походивших на врата. Впереди маячила гигантская стена тюрьмы. Ни перелезть, ни подлезть. Поверху бежала колючая проволока. За ограждением вырисовывалось здоровое кубовидное здание.

Винсент скуцающе глядел вперед и чего-то ждал. Внезапно послышался рев мотора, и вскоре навстречу вышел человек в серой форме. Выглядел как типичный военный: цепкий взгляд, топорная физиономия, скудная мимика.

Без объяснений он кинул им по пакету. Нико словил свой и вопросительно уставился на Винсента.

– Это форма, дурачок, – сказал предводитель, переходя на немецкий. – Как, ты думал, мы проберемся внутрь?

Охранник смотрел на них с легким подозрением, но терпеливо ждал. Неожиданно Винсент хлопнул его по спине и сказал:

– Спасибо, чувак. Для нас это полнейший трэш!

И он с дурацким смехом врезал по плечу и Нико. Тот всюду напрягал уши, потому что на немецком говорил плоховато и без удовольствия.

– Мы просто тащимся по таким местам!

– Да, – неуверенно сказал Нико.

Интуиция подсказывала, что от него этого и ждали.

– У вас час, – сурово сказал охранник. – Я быстро покажу вам первый этаж, и вы валите. Ваши ребята уже контролируют систему видеонаблюдения?

– Ты знаешь, как мы работаем. Но хотя бы одну настоящую камеру покажешь? Ну, чува-а-ак... – заныл Винсент нетипичным для него развязным голосом.

– Посмотрим. И почему ты не сказал, что будет этот сопляк?

«Да они обалдели!» – подумал Нико.

– Такого возраста охраны нет.

– Он только выглядит зелено, – миролюбиво сказал Винсент.

Охранник зыркнул на него недобрыми черными глазами, и в ответ ему послали бесхитростную улыбку. В какой-то миг Нико подумал, что операция на грани срыва. Ох не зря Саид действовал на нервы, говоря, что Нико не впишется. Почему Винсент никогда никого не слушал?

На всякий случай парень поднял воротник серой тюремной куртки до самых ушей. Так же сделал и Винсент, пряча волосы, собранные в хвост. Если не присматриваться, то выглядели они под стать охраннику. К верхним пуговицам хакеры незаметно прикрепили микрокамеры, а портативный лэптоп Винсент мимоходом засунул куда-то под куртку. Свои вещи пришлось оставить под соснами.

– И что, никто не заметит, что ушел ты один, а возвращаемся мы втроем? – осмелился задать вопрос Нико.

– Да я проведу, не сомневайся, – бросил через плечо охранник. – Так что тебе, поц, лучше и дальше рожу в куртку прятать.

Нико надулся и замолчал. Троица двинулась по тропинке вдоль главной дороги и вскоре оказалась у внедорожника военного типа.

– В кузов, – велел охранник. – И на пол.

Они покорно распластались на грязном днище, на них упало пыльное брезентовое покрытие, а сверху навалилось что-то еще. Впрочем, дышалось пока свободно, хотя в носу невыносимо свербило от грязи.

Как только машина поехала, они спинами прочувствовали все ухабы на дороге.

– Его не проверят? – шепотом спросил Нико.

– Не должны. Он патрулирует тюрьму вокруг и занимается всякой логистической фигней.

Послышался металлический гул: это отодвигалась дверь тюрьмы, впуская их внедорожник. Нико весь вжался в пол: ему было страшно как никогда.

Автомобиль затормозил, и донеслись обрывки приглушенной речи. Кажется, охранник с кем-то болтал, затем опять тронулся, и гул закрывающихся ворот стал тише.

Самое нервное – участвовать в чем-то, понятия не имея, что происходит вокруг.

– Ребята, вы как? – послышался в ушах голос Саида.

– Мы в раю.

– Изображения с ваших камер я получаю. Их изображения мы подменили. Кто бы там сейчас ни прошел, на мониторах будет отображаться пустой гараж.

Мотор резко замолк. Чуть позже дверь кузова открылась, и донесся знакомый голос:
– Вылезайте и идите до железной двери. В комнате поговорим.

Винсент и Нико выбрались из-под брезента и обнаружили себя в гараже, где вытянулся ряд таких же внедорожников. Несмотря на поддержку «Невидимой армии», все ощущалось зыбким, а камеры под потолком, казалось, все равно их видят. Но это была предательская игра воображения.

Охранник ждал за дверью, сложив руки на груди и нетерпеливо поводя шеей.

– Саид, прием, – шепнул Винсент с радостным оскалом. – Как там наше хоум-видео проживает?

– Порядок, – ответил тот. – Мы перестаем посылать ложный видеосигнал.

Охранник следил за Винсентом с легким недоверием, затем начал отдавать распоряжения:

– В этом подсобном помещении камер нет. Отсюда идете по одному. Самый риск начинается, как только вы выйдете из этой комнаты. Между собой не переговариваться. Держитесь меня. Сейчас проходит инструктаж новеньких, им показывают тюрьму. Вы вроде как новенькие, поняли? В лица никому не смотрите и головами особо не вертите.

На этом он закончил и быстро вышел из комнаты через противоположный вход.

– Как ты с ним договорился?! – был первый вопрос Нико.

– Мы ему кое в чем помогали по-хакерски. Так, мелкая денежная афера. Он понятия не имеет, что мы терроризируем весь мир. Сказал, что фанатеем по таким местам, напросился на экскурсию. За это пообещал помочь провернуть более крупную финансовую махинацию. Он еще тот жулик... Ну, все, – Винсент почти вышел, но замер на пороге и поделился очередным глубоким выводом: – Видишь ли... систему прежде всего подводят люди, а не машины. Машины делают лишь то, на что их запрограммировали.

– Потреплетесь потом, – ожил в ушах голос Саида.

Винсент отсалютовал и скрылся. Нико переждал пять минут и вышел следом в длинный пустой коридор. Освещение было отличным: как днем. Ровным шагом он двинулся вперед, чувствуя себя под этим светом голым. Спина вспотела, а пульс в висках был громче, чем его шаги. Голову он не поднимал: знал, что везде камеры, и они могут увидеть его лицо, никак не вписывающееся в состав охраны.

Пока на пути никто не попался. Так, тихо и мирно, Нико вошел в какой-то зал, где его уже ждали эти двое. Больше ни души. В итоге лампочка тревоги перегорела, и он слегка расслабился.

Охранник жестом велел следовать за собой. Вдоль стен потянулась галерея закрытых дверей служебных помещений. На каждой – кодовый замок и какие-то сканеры, издали было не разобрать.

Страшных звуков пока не было. Нико ожидал услышать вопли истязаний или увидеть, как из клеток к нему тянутся татуированные руки. Может, напороться на пару газовых камер, пыточных... Но царила прохладная тишина и было... скучно. Если не знать, что они в заведении для особо опасных преступников, можно было решить, что это коридор обычного административного здания. По дороге попала пара охранников, которые коротко им кивнули и пошли дальше. В лица Винсента и Нико они даже не вглядывались.

Троица миновала пустую тюремную столовую, какие-то кабинеты и больничное крыло.

– Отлить бы, – тихо заметил Винсент.

Охранник кивнул, и они завернули в ближайший туалет. А позже их поводырь неожиданно выдал:

– Все, пацаны, экскурсия окончена.

– Так быстро? – отвалилась челюсть у Винсента.

– Выходите через ту же комнату, откуда пришли. Скажите вашей радионяне, чтобы похихичила с камерами, когда идете к машине. Садитесь в кузов. Я совершаю еще один объезд под утро, выведу вас назад в лес. Надеюсь, впечатлений до старости хватило.

«Офигенная вышла экскурсия, – подумал Нико. – Столько нервотрепки, чтобы просто наследить в коридорах. А охранник вообще – жук полнейший...»

– Ну хотя бы одну тюремную камеру посмотреть? Тут же вообще ничего интересного, – заныл Винсент.

Нико поразились его актерским способностям. Сейчас в нем не было и капли от загадочного предводителя «Невидимой армии». Он вел себя как обдолбанный, приставучий кретин.

– Чувак, ну это кидалово.

– Не могу, – жестко отрезал охранник. – Я вас и позвал-то потому, что сегодня смешанная команда, много новеньких. А так в жизни не рискнул бы. Мы тут все друг друга в лицо знаем. Можете курнуть, если надо, и проваливайтесь. С тебя то, что ты мне обещал, Винсент.

Тот охотно кивнул, не переставая при этом выглядеть разочарованным. Попутно достал сигареты и закурил. Их поводырь выжидающе не сводил с него глаз.

«Что у него на уме? Как мы проберемся наверх?» – думал Нико.

Винсент дружелюбно ткнул пачкой в охранника. Тот помедлил, но все-таки потянулся толстыми пальцами за сигаретой.

– Не держи меня за идиота. Вы же сюда не развлекаться пришли. – Его темные глаза пронацательно сощурились, и к ним сбежалась тысяча мелких морщинок. – Столько технических примочек ради простого экстрима? Рация, взлом камер... Я понимаю, что вы нарыть что-то пытаетесь. Журналюги небось. Или пашете на них. Но вы видели все как есть. Мы – тюряга. Ни больше ни меньше.

Тут охранник понял, что стоит с незажженной сигаретой в руках.

– Дай подкурю, – почти ласково сказал Винсент.

Он подошел к нему вплотную и щелкнул зажигалкой. Что случилось дальше, Нико вообще не понравилось. Неуловимое движение пальцев, почти что фокус-покус – и у верзилы в шее вдруг торчит странный шприц. Руки запоздало попытались схватить пустое место. Но в итоге охранник тяжелой грудой упал на пол.

– Выходи отсюда и жди в коридоре.

Нико испуганно кивнул и выскочил наружу. Вопросы в голове роились, как растревоженные пчелы. Что он сделал с охранником? Откуда шприц? Почему он не предупредил? А главное – зачем? Они же хакеры, а не убийцы...

Но теперь он уже ни в чем не был уверен. Беспокойство нарастало.

– Что пришло в голову этому психопату? – раздался голос Саида. – Я ничего толком не разглядел.

– Он вырубил охранника, – выдохнул Нико. – Воткнул в него что-то...

– Да вы совсем, что ли?! Мы так не договаривались.

– Ты мне это говоришь?

Дверь туалета открылась, и наружу вышел его компаньон, как ни в чем не бывало заправляя рубашку в штаны.

– Идем, – шепнул он.

Они двинулись вдоль очередного ряда закрытых дверей уже вдвоем. Нико подозревал, что так просто Винсент отсюда не уйдет. Он всегда спрашивал себя, как далеко тот готов зайти ради того, что не принесет ему ни личной выгоды, ни безопасности...

Тревога сжималась внутри тесным кольцом.

– Не очкуй, это транквилизатор. Валит как из пушки.

– А что ты сделал с ним после?

– Усадил на толчок, чтобы не было подозрений, и запер изнутри. Пришлось пролезать под дверью, чтобы самому выйти, – усмехнулся Винсент. – Алло, радионяня, ну не дуйся.

Саид молчал: видимо, сильно разозлился.

– А камеры?

– Их там нет. Я, пока отливал, все осмотрел... Странно, не находишь?

Теперь начиналась чистая импровизация, и только удача могла помочь им избежать подозрений. Лифта не попадалось, зато они нашли лестницу и поднялись на второй этаж.

Но что именно их интересует, кроме камер, которые не отображаются на видеонаблюдении? А, ну конечно. Это же просто Винсент и его чутье. Иногда Нико страшно раздражало, что они все пляшут под его дудку. Несмотря на свой возраст, он в глубине души понимал, что их предводитель – манипулятор каких поискать.

– Я взял у нашего дядьки электронный ключ, – сказал Винсент, застыв перед дверью, закрывающей коридор второго этажа. – Будет быстрее, чем открывать через робота.

Карта вошла в расщелину замка, и ручка загорелась зеленым. Снова потянулись закрытые двери. В конце коридора маячил пост охраны, но он пустовал. На потолке же были только лампочки. Видеонаблюдение и в самом деле не велось.

В зеленых глазах Винсента загорелся его фирменный шальной огонек.

Первое, что бросалось в глаза, – замки на дверях, которым впору висеть на сарае.

– Видишь, дружок? – ласково спросил Винсент, наклоняясь к одной из дверей. – Это муляж.

Несмотря на плохое освещение внутри камер, сквозь окошко на двери было видно, что внутри пусто, нет даже мебели. И так в каждой ячейке.

– Тут никого не держат. Это не тюрьма.

Нико пучил глаза и уже ничего не понимал.

Они осмотрели весь второй этаж, так никого и не встретив. То же было и с третьим. Просто ряд молчащих дверей, за которыми ни звука, ни духа. Вот почему не было видеонаблюдения из тюремных ячеек.

Потому что смотреть не на что.

Черты лица Винсента заострились, и он становился похожим на голодную лису. Перед ними было доказательство того, что навороченная, секретная тюрьма «Прометей» не содержит ни одного заключенного. И охранная система внутри и вполовину не такая крутая, как описана в «Википедии» и скудных информационных сводках.

Проблема только в том, что это пока не компромат.

Внезапно оба замерли, заметив план тюрьмы на стене.

– Ты это видишь? – резко спросил Винсент.

– Что?

– На схеме нет подвала.

– И что?

– Но он есть.

– Да, он есть, – подал голос Саид. – В системе безопасности эти отсеки четко обозначены, к тому же отдельно снабжаются водой и электричеством. Вход туда находится в больничном крыле. Но подвала на видеонаблюдении тоже нет.

– А мне кажется, пора признать, что мы ошиблись. Винсент... слышишь меня? Это просто... не знаю... военный объект, – сказал Нико, – или тюрьма на реконструкции.

Но тот смотрел на план как загипнотизированный и видел что-то свое.

– Давай думать, как валить. У всех бывают осечки.

– Заткнись, мелкий.

Прозвучало действительно грубо. В иных обстоятельствах Нико не выдержал бы и дал в челюсть, но сейчас оставалось только яростно буравить глазами его профиль и ждать.

– Идем, – наконец выдал Винсент, – заглянем в больничное крыло. Подумай сам: огромное здание с крутой системой внешней безопасности, а внутри – пустышка? Что они охраняют тогда? Тут есть что-то другое. Оно... глубже.

С ним, похоже, бесполезно спорить.

Они опять спустились вниз. Впереди нарисовалась пара посмеивающихся охранников, и это напомнило Нико о том, кто их сюда привел. Когда тот очнется? А если помрет?

Он съезжился, пряча голову в воротник, а Винсент, наоборот, расслабленно откинул ее и приветливо махнул охране. В ответ получил подобие ухмылки. Наглость – действительно второе счастье...

В больнице палат не было. Только какие-то лаборатории, вход в которые предваряли биометрические замки. Винсент довольно хмыкнул. Не тюрьма, но, возможно, научный центр. Уже интереснее. Что-то начало проясняться с «Прометеем», а Винсент, потянув за ниточку, не отпустит ее до тех пор, пока не размотает весь клубок.

Хакеры дошли до полупустого помещения, забитого медицинским оборудованием. В конце белела дверь со стрелкой вниз. Это и был обещанный вход в подвал.

– Сетчатка глаза, – пробормотал Винсент, разглядывая сканер над ручкой. – Саид, открой нам эту дверь. Ключ охранника сюда не подходит.

В ушах раздалось легкое потрескивание, а следом сомневающееся мычание.

– Мы... не можем. Потому что робот не управляет этой дверью.

– Что? – Винсент словно ослышался.

– Что слышал. Этой двери в системе работа нет.

– Двойная защита, – понял тогда он. – Эта дверь управляется из другой системы, которая, вероятно, хорошо спрятана. Как и второй сервер...

– Выходит, что так... И... опа! К вам идет... врач! – чуть нервно прозвучал Саид.

Нико похолодел. Только этого не хватало.

– К нам идет наш глаз, – отпарировал Винсент. – Саид... если сейчас не получится открыть эту дверь и нас повяжут, обрубай им электричество. Без него они сопли будут жевать, а мы сбежим.

– Это займет примерно полчаса. Вам надо будет продержаться это время. Поэтому лучше уходите сейчас. Вам не нужно сталкиваться с кем бы то ни было...

Но его слова выпали из внимания. Дверь открылась, и появился упомянутый доктор. Незадачливых хакеров тут же смирili подозрительным взглядом, потому что два отбившихся охранника в этой части тюрьмы выглядели несколько странно. Нико вообще забыл, что у него есть ноги.

– Охране нельзя здесь находиться, – живо сказал доктор. – Новенькие? За кем закреплены?

– Мы собирались патрулировать подвал, – ровно ответил Винсент.

– Видно, инструктаж не провели нормально... – закатил глаза врач. – Запомните: вы патрулируете внешний периметр и помещения до больницы. В подвал есть доступ только у врачебного персонала и начальника охраны.

– Винсент, извинись и вернись назад! – беспомощно предложил Саид, не на шутку переживавший за них. – Скажи, что вы отбились, а когда мы обрубим электричество, валите уже!

Однако Винсент вел себя странно. Он подходил все ближе, и Нико начал подозревать, что у того в загашнике еще один транквилизатор. Но все оказалось намного хуже.

– Послушайте... я должен связаться с главным охранным постом, – раздраженно заявил врач, слегка отступая. – Вам никто таких указаний не давал...

В него что-то ткнулось. Только Нико видел, что Винсент прижимает к животу доктора пистолет, вероятно, отобранный у охранника вместе с ключом.

– Рыпнешься – ты труп, – одними губами сообщил он своему заложнику.

Тот замер, боясь шелохнуться. От Винсента исходила нешуточная угроза. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он чокнутый.

– Вы – не охрана...

– Правильно. Будешь делать, как я скажу, – тихо сказал он. – У моего напарника тоже есть пистолет. Убежишь от нас – получишь пулю. Сейчас ты ведешь нас вниз.

– Вас поймают в любом случае, – холодно ответил врач. – Вы на всех камерах, черт возьми. И от меня пользы нет, я просто занимаюсь здесь биохимическими анализами.

– Иди и приставь свой глаз к сканеру, – чуть ли не по слогам сказал Винсент.

– Вход в подвал под наблюдением, – ответил доктор. – Охрана не входит туда без приказа.

Винсент вопросительно поднял брови и повел пистолетом. У Нико внутри уже все давно оборвалось, и хотелось заорать: «Зачем ты это делаешь?!».

– Я не успеваю послать видеосигнал, чтобы вас прикрыть! Почему не предупредил?! – завелся Саид по рации. – Да и какой подвал?! Вам надо уходить! О черт... Что-то творится в коридоре первого этажа...

Голос Саида исчез из восприятия, как будто его стерли, хотя он продолжал что-то отчаянно кричать им в уши.

Замысел Винсента с самого начала носил характер глупой, суицидальной демонстративности... Или же после первой безумной выходки с охранником ему снесло башню окончательно, и сейчас он вошел во вкус. Возможно, он даже этого хотел...

Явно на ватных ногах доктор подошел к двери и наклонил голову над сканером.

«Идентификация прошла успешно. Тео Рашкевич, младший исследователь».

Перед ними предстала лестница, и трое начали медленный спуск.

Снова ожил Саид:

– Они нашли парня, которого Винсент вырубил... Вы не успеете убежать. Я не могу вас прикрыть уже! Отключение электричества не поможет, если вы идете вниз. Попробуйте найти другой выход сами.

Вдруг над их головами взвыла сирена. Сквозь громкоговорители по всем коридорам разнесся чей-то невнятный голос:

– Всем постам: код «два-три-шесть». Повторяю: код «два-три-шесть».

Эти цифры стали воплощением тревоги, началом их конца.

Винсента это не волновало, его вела вперед чудовищная комбинация из чутья и идиотского азарта.

Иногда Нико спрашивал себя: почему он всегда слушается этого психа? Наверное, потому что в глубине души не сомневается, что тот делает что-то правильное.

В приглушенном желтом свете замаячила здоровая стальная дверь с электронным замком. Нико готов был поклясться, что она бронированная. Они не смогли бы ее открыть, даже если бы тут всех поубивали и взорвали подвал.

Рашкевич покосился на Винсента.

– Дальше, ради вашей безопасности, я бы идти не стал, – добавил он, понимая при этом бесполезность своих увещаний. – Послушайте, это не наша прихоть.

Последовал удар в челюсть, и Рашкевич выплюнул узкую струю крови. Уже без уговоров он провел своим электронным ключом по сканеру и ввел очередной код. Мигнул сканер сетчатки глаза.

Дверь в подвал тяжело отодвинулась, и в красноватом свете проступил темный коридор. В этот момент из глубины разнесся крик, не похожий ни на что на свете.

По ушам будто полоснули чем-то острым. Внезапно рация затрещала.

– Саид? – спросил Нико.

Ответом было молчание. Связь оборвалась.

Тем временем на лестнице раздался тяжелый топот армейских сапог. К ним бежала вся королевская конница и вся королевская рать. Положение становилось катастрофическим. Одна безвыходная ситуация накладывалась на другую, и они сами все глубже и глубже загоняли себя в ловушку.

– Сложить оружие! Руки вверх!

– Нико, за меня, – приказал Винсент.

Тот испуганно метнулся за его спину. Взгляд Винсента оставался холодным и спокойным.

– У меня ваш врач! – крикнул он.

– Не стрелять! – вторил Рашкевич, держась за расквашенную челюсть.

Крик из коридора повторился. Нико зашипел, хватаясь за голову, а из ушей потекла кровь.

Винсент сделал шаг назад и резко втащил за собой доктора. На странные звуки он почти не отреагировал, разве что лицо болезненно дрогнуло. Дверь закрылась автоматически, отделяя их от запоздалых выстрелов, и теперь слышалось только их дыхание вразнобой.

Нико обернулся первым. Следовало отметить, что это место выглядело очень контрастно по сравнению со стерильностью помещений выше.

Здесь было как-то... почти оккультно. Стены и двери исписаны странными символами, а красный свет только усиливал первое впечатление.

– Доступ сюда есть не только у меня, – тихо сказал врач. – Сюда войдут, это только вопрос времени.

– Понимаю, – ответил Винсент.

– Живыми вы не уйдете. Лучше сдайтесь.

– Сначала ты проведешь экскурсию. Что это за место?

Винсент понесся вперед, с легкостью таща за собой полуживого Рашкевича.

– Здесь камеры заключения.

– Почему их нет на плане безопасности? И кто это орет?

– Тут содержатся особые преступники. Они чрезвычайно опасны... для всех людей.

Нико еле поспевал за ними. Наверху еще можно было надеяться на Саида и ребят, у них был шанс. А тут они просто в тупике: что со светом, что без него.

– Тут есть окна в камерах! – крикнул Винсент Нико. – Сфотографируй мне одного. Хочу знать, что у вас тут обитает...

– Вы сумасшедшие! – завопил Рашкевич. – Вы даже не знаете, что в камерах! Их невозможно контролировать!

Нико испуганно подошел к ближайшей камере, заглядывая в решетчатую прорезь. Несмотря на паршивую видимость, он различил силуэт.

– Это ребенок! – вырвалось у него.

О спину ударилось что-то металлическое. Это Винсент швырнул связку ключей, которые нашел в кармане у их заложника. Трясущимися руками Нико начал отпирать ближайшую камеру. Все ключи были из металла и довольно старые. Знакомые красные знаки на кольцах. Они тут, похоже, везде.

Внутри было темно, и свет, лившийся снаружи, обманчиво искажил силуэт пленника. Это был не ребенок, а карлик. Легкими, порхающими шагами заключенный приблизился к двери и взглянул ему в лицо. Нико отшатнулся. Его черты обладали неестественной симметрией, а глаза испускали еле заметное свечение. Кожа походила на вытертое золото... Или это галлюцинации... Под этими красными лампами все теряло правдоподобность.

Ноги пленника обматывали цепи, впивающиеся в щиколотки острыми шипами, а по ступням что-то стекало, но такой крови он еще никогда не видел... Голени словно вымазали в жидком золоте. На автомате Нико сфотографировал то, что увидел, как и велел Винсент.

– Один из твоих ключиков подойдет и сюда, – вдруг раздался внутри него голос. – Доведи уж до конца.

Губы узника оставались сомкнутыми. Но он сказал это ему. Не могло показаться.

И Нико послушался, сам не поняв, как. Будто его плавно согнула чужая воля. Парень присел перед ним, чувствуя страх и одновременно какое-то благоговение. Этот трепет возник как естественная реакция организма. Подходящий по размеру ключ легко вошел в паз.

Щелчок – и с узника спали кандалы.

А у входа раздался уже знакомый ненавистный писк. Значит, королевская конница близко... В потрескавшемся лице карлика прорезалась странная улыбка.

– Иди же. – Глаза сверкнули, как полуденное солнце в небе. – *Ты – молодец. Вы найдете выход здесь, под землей.*

Нико почему-то не хотелось больше никого выпускать. Он был потерян... Правильно ли он поступил? Прав был Рашкевич: они же ничего не знают об этих заключенных. Зачем он вообще это сделал?

Охранники просочились в подвал один за другим и быстро заполнили узкий коридор. Винсент унесся вместе со своим заложником навстречу дребезжащему крику неизвестного пленника... Помощи ждать было неоткуда. А карлик без всякого страха продолжал стоять на месте. Нико побежал прочь, но за спиной вдруг разлилась тишина.

Где выстрелы?

Один раз он обернулся – и увидел, что охрана беззвучно падает на пол. На ногах держался только один из врачей, странно размахивая руками и словно сопротивляясь чему-то невидимому. В тусклом свете ламп виднелась кровь, вытекающая из его ушей и глаз, а заключенный – живой и невредимый – застыл напротив него, упершись ладонями в колени. Внутри Нико звучал его смех, в котором чудились серебряные колокольчики...

Дальше ему смотреть не хотелось.

– Тут есть выход... мне сказал один пленник! Где-то под землей... Слышишь?!

– Кого вы выпустили?! Кого? – стал вопрошать Рашкевич, бешено завертев глазами.

Внезапно свет под потолком замигал. Система энергоснабжения тюрьмы была выведена из строя, но лампы горели, только стали тусклее. Значит, есть резервный блок питания. Насколько его хватит? Успеют ли они протянуть это время?

Растерянно Винсент уставился на врача.

– Чем вы тут занимаетесь? Ваши двери из картона, но за ними – якобы самые опасные преступники...

Ему вдруг вымученно улынулись, и последовал ответ:

– Все равно не поверишь...

– Попробую.

– Тут содержатся боги, – с той же улыбкой ответил Тео. – Древние могущественные создания. Двери не имеют никакого значения, на узниках другие цепи.

– Это какой-то эксперимент? – спросил Винсент. – Или вы просто издеваетесь над людьми?

Он не верил. Рашкевич издал kloкочущий смешок или всхлип. Охрана в памяти Нико, как на заевшей перемотке, падала на пол снова и снова, синхронно...

– Он... не врет, – тихо заметил он. – Я случайно выпустил... бога. Хотя хотел просто заснуть. Не знаю, как так вышло, меня словно накурили. И теперь он в этих коридорах, только что уложил всю охрану!

– Только не это... – начал несвязно бормотать Рашкевич.

– Бог? – с интересом спросил Винсент, даже не обратив внимания на оплошность Нико. – Я хочу на это взглянуть. Где он?

Парень оглянулся.

– Он... был тут... Какой-то карлик в золоте. Очень худой...

Винсент двинулся назад, таща Рашкевича как тряпичную куклу. Что бы сейчас ни происходило, ему это стало нравиться.

– И где ваш божок? Ну?

Его голос звучал развязно, с отзвуками необъяснимого остервенения. Как будто все ему были должны. Да что творится у этого типа в голове?...

Из глубины снова донесся жуткий крик, и Нико зажал уши.

– А там кого вы держите? Минотавра? – фыркнул предводитель, оглянувшись. – Ты сделал снимки? Скинь их нашим прямо сейчас... А я хочу поговорить с богами.

Нико отвел руки от головы и судорожно затыкал в кнопки телефона. Но связи под землей не было. Значит, «Армия» и трансляцию с камер не получает...

Оставив в покое бесполезный телефон, он прислушался. В воцарившейся ненадолго тишине снова проступил тонкий, пленительный зов. Он шел сквозь ближайшую дверь. Захотелось хотя бы одним глазком посмотреть на того, кто за ней. Зачатки контроля слабо сопротивлялись, но что-то было сильнее него. Нико начал неуклюже подбирать ключ к ближайшей камере. Послышались шаги Винсента...

Отворилась полутемная комната с очередной пленницей.

– Охренеть, – прокомментировал Винсент. – Вы держите на цепи детей?

На него таращились без всякого выражения из-под спутанных янтарных волос. Золотистый взгляд казался пустым и безжизненным. Сколько ей лет? Ребенок? Или бог? Под кожей проступали нежные кости, и кандалы были тяжелее, чем ее лодыжки...

– Я тебе помогу, – тихо сказал Нико.

Заклоченная взглянула на него как в полусне. Теперь он был уверен, что из ее глаз струится свет. Вокруг ее век – золотистая пыльца... Он уже верил во все, что рассказал врач.

Не верил только Винсент.

Шаткой походкой девочка вышла из камеры, и вдруг Рашкевич конвульсивно задергался. От неожиданности Винсент разжал руку и уронил пистолет. Хакеры ощутили странную силу, эпицентром которой была эта кроха. Рашкевича резко подбросило к потолку и с тяжелой силой ударило о пол.

Раздался неприятный хруст, и наступила тишина.

Винсент, следящий за этим с хладнокровным интересом, взглянул на пленницу со смесью уважения и неугасающей иронии.

– Так ты и есть бог, малышка? – спросил он без страха.

Она подслеповато уставилась в его сторону, и в этом взгляде было что-то страшное: так смотрят в пустоту.

– Ты скоро умрешь, – вдруг беззвучно сказала она ему. – Твоя душа проделает странный путь, но вернется сюда. Ты останешься в этих стенах.

Нико не слышал этих слов, они предназначались Винсенту. Девочка развернулась и пошла на крик невидимого пленника.

Тогда Винсент сам стал выпускать оставшихся. Он не ощущал в них угрозы, более того, ему нравилось устраивать бардак. Все узники были похожи: низкий рост, золотистая кожа и мерцающие желтые полукружия вокруг век. В молчании они разбредались, излучая теплое мерцание. Унылый подвал тюрьмы словно наполнился светлячками.

Итак, что у них имеется: тюрьма «Прометей» держит в своих клетках каких-то опасных позолоченных гномов.

На автомате Нико делал по снимку каждого заключенного, но фотографии получались плохого качества.

– У них всех глаза золотые, – не к месту заметил он.

– Мы должны их собрать... Куда они уходят? – рассеянно спросил Винсент.

В этот момент он походил на короля, от которого разбредаются подданные. Что он вообще собирался с ними делать? Выстроить в линию и вывести гуськом из тюрьмы под звуки победоносного марша?

Крик из глубины нарастал. Он звучал как сирена, и в нем можно было различить столько смыслов: призыв о помощи, ярость, проклятие, одиночество и нечеловеческое отчаяние...

Уши Винсента кровоточили тоже. А Нико вдруг понял, что постепенно привыкает к этому крику: он перестал терзать уши и зазвучал уже внутри него.

Пока они медлили, позади возникла женщина. В ней не было ничего особенного. Только белый халат безошибочно выдавал принадлежность к медицинскому персоналу тюрьмы. Ее приближение они услышали поздно.

– Вот вы мне работы задали, засранцы, – сказала она с ощутимой злостью.

Дуло пистолета было направлено прямо на Винсента.

Раздался выстрел, и в его взгляде мелькнуло удивление. Он перестал выглядеть злым и властным, черты лица мгновенно разгладились, и он упал на пол.

Нико попятился. Женщина перевела дуло на него.

– Мы передали снимки нашим друзьям, они опубликуют их в Интернете! – дрожащим голосом сказал он. – И мы снимаем все на камеру. Все сейчас транслируется нашим сообщником...

Он врал: связи не было с тех пор, как только они оказались внизу...

Без лишних слов женщина нажала на курок, но произошло что-то странное. Нечто накинулось на него золотистой вуалью, и картина перед глазами неестественно исказилась. Он не почувствовал боли. Его словно укутали в теплый кокон.

– Потягаться со мной вздумали, твари? – крикнула женщина.

С кем она говорила?

Ноги развернули его и сами понесли в темноту коридора на крики неизвестного мученика. Перед глазами возникло хитроватое и веселое лицо того первого карлика. Оно множилось и вело его дальше, вглубь...

– Отодвинь плиту и ползи, – раздался в ушах его вкрадчивый голос. – У тебя будет счастливая жизнь, если не будешь оглядываться.

Нико обнаружил, что стоит в конце коридора. Туман вокруг пропал, а он сам остался целым и невредимым. Пуля его миновала.

Напротив была последняя камера, дверь которой покрывал витиеватый узор из красных символов. Поверхность изрисовали так плотно, что некоторые знаки сливались в пятна.

В начертаниях читалась какая-то истерия.

Зарисуй, зарисуй все, чтобы оно не выбралось.

Кричали оттуда. Но гадать не было времени. Нико коснулся стен, покрытых крупной плиткой, и руки сами поняли, какую следовало сдвинуть, словно их кто-то мягко направил.

За плитой обнаружился туннель с лестницей. Быстро спустившись вниз, он пополз по узкому земляному лазу. Позади слышался скрежет задвигающейся плиты, в который впелся чей-то звенящий смех. Отголоски недавнего кошмара затихали.

Нико двигался во тьме, не зная направления, и думал о Винсенте. По лицу бежали злые слезы.

– Они заплатят, – повторял он себе. – Мы всем расскажем! Всем! Всем!

Он ни разу не оглянулся – это было под запретом – и вышел в лесу, около тех же двух сосен. Нико быстро переделался в гражданское, а форму забрал с собой. Они – «Невидимая армия» и следов не оставляют.

3

Перекресток

*The missing piece I yearn to find,
so close.
Please clear the anguish from my mind.*

*Я отчаянно ищу потерянную частицу,
которая где-то рядом.
Пожалуйста, избавь мой рассудок от этой пытки.*

Ólafur Arnalds feat. Arnor Dan, «So Close»

– Древние скандинавы верили, что если в полночь встать на перекрестке, то к тебе слетятся духи всех умерших родственников и расскажут тебе твою судьбу...

Девочка с интересом уставилась на перекресток, который виднелся как раз около их дома. Он был пуст.

– Мам, а я тогда пойду, проверю сегодня ночью?

– Рут, это бабушкины сказки. И ночью ты никуда не выйдешь!

– Ну ма-а-ам!

* * *

Как же здесь темно. Темнее, чем в зимние ночи. Темнее, чем на обратной стороне Луны.

Рут не знала, что происходило со временем. Оно отсутствовало в этом месте. Было только состояние долгого путешествия, паломничества в никуда. Ее жизнь выгорала и растворялась. Осталось только что-то... вроде ее истинной сущности.

Она едва видела свои босые ноги, перебирающие по чему-то темному и бесформенному. Но это определенно был путь.

«Так вот что бывает после смерти, – хотелось сказать ей неизвестно кому. – Ничего. Тут ничего нет».

Ты одна, Рут. Теперь ты по-настоящему одна.

Где-то там, в мире, который она знала, ее тело увозили в морг. Где-то там ее кровь впиталась в асфальт. Единственное свидетельство прерванной жизни...

Если бы она могла заплакать... Но и слез не было. В этом огромном безжизненном пространстве отдавались только чье-то эхо и перезвон далеких голосов.

Куда ты бредишь, Рут? Думаешь, впереди рай? Или, быть может, ты ищешь ад? Ты еще не поняла, что это все, что есть?

Столетия прошли или же одна секунда?... Мерещились смутные образы: лики во тьме, тянущиеся руки без тел... Но это как ехать в поезде, который не останавливается ни на одной станции. Лица растворялись, а руки бессильно опускались, так и не поймав ее.

Смерть оказалась путешествием в никуда. У смерти нет назначения.

Во что она верила? В бога? В дьявола? Или в реинкарнацию? Этот сумбур мыслей и образов вокруг... Сквозь них пробивалась ее слабая, за что-то цепляющаяся душа.

Во что ты верила, Рут? Что ты ожидала увидеть?

Что-то... знакомое.

Но этот мрак она не знала и такой смерти не желала. А ступни все перебирали по пустоте, нащупывая свою невидимую тропу.

Почему она идет? Почему еще осознает себя?

Не выдержав пытки собственными вопросами, она издала пронзительный крик. Голос – единственное, что осталось с ней. В ответ вторило многоголосое эхо таких же заблудших душ.

А может, никого тут и нет и она слышит только себя.

Как же вернуться?

Милая, нет пути назад. Ты что, не поняла? Ты умерла.

Охватило отчаяние, которое все еще было очень человеческим... Последнее, что осталось в ней от Рут. Вместе с ним медленно начинало собираться намерение, и остатки воли стягивали вместе уцелевшие куски ее личности.

Не так все должно быть: лучше, иначе.

«Я не могу брести здесь вечно. Кто-то ошибся».

Проблески во мраке расплылись, и снова накатила вечная ночь, непроглядная, обволакивающая. Рут перестала видеть свои ноги.

«Мне нужно найти лазейку. Пусть она ведет назад или вперед, но я хочу найти смысл в этой пустоте, открыть в этой тьме хоть одну истину...»

Вдруг мрак стал наполняться слабым светом, проступающим как тусклые мазки краски. Чья-то кисть наносила мир вокруг нее, но этой реальности она не знала. Босые ступни уже брели по золотой пыли... Ощущения живой земли не было, но это определенно был какой-то новый путь. У него имелась форма и текстура. Пространство вокруг становилось реальным.

Рут прибавила шагу.

Неожиданно послышались еще чьи-то шаги, следующие в своем размеренном ритме. Шаги, не крики! Все вокруг обретало контуры, как и она сама. Вот ее руки и волосы, стекающие по плечам. На ней те же юбка и блузка, что она надела в день своей смерти.

Рут побежала, и к ней окончательно вернулось чувство себя. Что бы тут ни было, это верное направление.

Впереди начали проступать очертания чьей-то фигуры: спутанные длинные волосы и ссутулившиеся плечи, руки в карманах, а на ногах – высокие тяжелые ботинки. Другой человек в этом лабиринте тоски... И если так выглядит истина, то нужно догнать ее во что бы то ни стало.

До нее доносилось собственное хриплое дыхание, а значит, она и в самом деле оживала.

И вот они поравнялись. Ее рука мягко коснулась его локтя, и человек заторможенно повернул голову, словно сначала ему надо было вынырнуть из глубин самого себя.

Сквозь нее уставились светло-зеленые глаза. Уголки его губ были устало опущены. Молодой мужчина выглядел измороженным и равнодушным, выгорая прямо перед ней.

– Куда ты идешь? – спросила она, едва различая свой голос.

Но ее прекрасно слышали.

– А что, здесь есть куда идти?

Вопрос был в точку.

– Думаю, да.

– И куда идешь ты? – остывшим голосом спросил мужчина.

– Мне надо вернуться. Произошла ошибка: я не должна была умереть.

– Неужели нет никого в этой дурацкой загробной жизни, кто о тебе позаботится и объяснит, что делать? – сквозь эхо ехидства в нем появилось подобие жизни.

Рут замедлила шаг, и ее спутник – тоже. Мимо них тем временем проплывали смутные силуэты... Дома? Горы? Леса? Все здесь существовало, пока они задерживались в этой точке. Рут провожала эти пятна встревоженным взглядом, не чувствуя себя уверенно, хотя уже обрела свое тело.

– Нет... боюсь, что нет. Я, по крайней мере, никого не нашла.

– Тогда чем это место отличается от того, откуда мы пришли? – невесело хмыкнул этот тип.

Он был странным. Его ничто здесь не удивляло и не пугало. Шаг был уверенным и спокойным, как и он сам, но что-то в нем казалось надломленным.

– Ничем в таком случае... – эхом отозвалась Рут, глядя вперед. – Но я не хочу тут быть.

– Тогда делай что хочешь. Видишь: ты – сама себе хозяйка. Что, грустно узнавать такую правду? Люди так стремятся распоряжаться собственной судьбой. – И он позволил себе очередную мрачную усмешку. – Но при этом всегда ищут, на кого свалить ответственность. И вот мы умираем, и выясняется, что и тут никого нет. Только какие-то жуткие тропинки и тоска. И мы впадаем в панику, а знаешь, почему? Ничто так не отдаёт одиночеством, как решать самому, что делать.

Он умел говорить с пророческой проникновенностью. Это было в его словах: не правда, но... верное понимание. Рут всматривалась в его усталые черты и чувствовала, что эта одинокая душа, которая еще себя не потеряла, чем-то ей близка.

– Как ты умер? – спросила она, оглядываясь вокруг.

– Меня застрелили. Может, правильно сделали. А ты?

– А меня сбила машина. Но этого не должно было случиться.

– Откуда такая уверенность?

– Я так чувствую.

– Сильный аргумент.

Реплики ударялись друг о друга, но что-то в их шествии и интонациях перекликалось. Они были как две тени... чего-то одного.

– Что ты хочешь сделать сейчас?... Кстати, как тебя звали?

– Рут...

– Так что ты хочешь сделать сейчас, Рут?

– Мне надо вернуться. Я видела все, но тут нет ничего из того, что людям обещали после смерти.

– Правильно. Ты же ни во что не верила. Все религии строятся на жутких торгашеских принципах: ты – мне, я – тебе.

– Значит, я тем более не хочу тут оставаться, – помотала она головой.

– Ты наивна, Рут. Возможно, тебе стоит умереть дважды, чтобы ты поняла, что тебя никто не спрашивает.

Из его груди донесся рассеянный смех, множившийся в этой пустоте. Рут снова перевела на него пытливый взгляд. Станный человек. Будто понимает все – но от его слов несет едким разочарованием.

– А ты откуда все знаешь?

– Я просто... знаю. Знание – это антипод веры. Те, кто знает, никуда не попадают.

– Я в своей жизни ни черта не знала. Но мы с тобой, судя по всему, сейчас в одной лодке.

И лучше бы нам куда-то прийти. Как твое имя?

– Меня звали Винсент. Я просто иду. Не хочу куда-то приходить. Я устал.

От последней реплики рассеялось многоголосое эхо, которое ушло в темноту. Под их ногами крошилось золото, и ноги увязали в этой пыли...

– Разве не было ничего, ради чего ты жил?

– Не помню.

«Не помню. Не помню. Не помню», – повторил ветер.

Они замолчали. Винсент погрузился в себя еще глубже, а Рут уставилась на него с легкой тревогой. Что-то с ним было не так. Он будто... выпадал из всего, из любого потока.

Его дорога вела в никуда.

И почему-то ей захотелось ему помочь. Нельзя оставлять его в таком состоянии. Пусть в этом тогда будет смысл, который вложит она.

Девушка замерла и взяла его за руку.

– Эй, посмотри на меня. Ну посмотри же.

Он тяжело поднял бледные веки, и ее снова обожгла зелень его глаз – единственное, что имело цвет в этом монохромном мире. Винсент погружался в какой-то транс.

– Ничто не потеряно, раз мы еще ощущаем себя. Это просто... скверные дороги вокруг. Но мы пройдем их как-нибудь.

Он ухмыльнулся, оставаясь при этом безжизненным.

– Иди дальше, Рут. Мы просто пересеклись.

– А ты?

Вдруг ее кожа стала теплеть. Она снова ощущала течение крови по венам, а он оставался холоден и призрачен, как и все вокруг. Винсент улыбнулся ей сквозь сонную вуаль и сказал:

– Ты симпатичная, Рут... и чудная. Я же вижу, что ты была пуста, так же как и я. В жизни не видела смысла, поэтому и оказалась нигде после смерти. Но ты меняешься на глазах, знаешь это?

– Ты тоже сможешь. Я помогу тебе.

Ее слова звучали странно. Как она ему поможет, когда сама едва ориентируется на этих потусторонних тропинках? И видит его первый раз в жизни... Но в нем была пустота размером с океан, и в этом они оказались похожи. Поэтому, быть может, и пересеклись... Все в мире тяготеет к себе подобному: живое – к живому, мертвое – к мертвому.

Пустое – к полному.

– Да ты уже не здесь, – вскинул он голову и рассмеялся. – Смотри сама!

Ее руки прошли насквозь через его ладони. Она стремительно начала отдаляться от Винсента и вдруг увидела то место, где он стоял словно под прожектором.

Это был перекресток. Между двумя дорогами возвышался странный каменный столб с выбитым посреди лицом. Вместо глаз были сделаны пустые прорези, а открытый овальный рот словно о чем-то безмолвно молил.

Винсент застыл рядом с этим обелиском, на развилке между жизнью и смертью: странный, одинокий и навсегда сломленный. Их дороги неминуемо расходились. Рут тянуло к свету, а его затягивало глубже во тьму. Он улыбнулся ей напоследок и махнул рукой.

– НЕ УХОДИ.

«Но это ты уходишь».

Его силуэт бледнел и терялся. В очередной раз она почувствовала себя обманутой.

– Беги отсюда, Рут. Беги назад, в жизнь, и не будь как я. Не будь «нигде», – похоже, это было его прощальное напутствие.

– Клянусь, что помогу тебе выбраться! Ты не останешься здесь один, – слова сорвались с ее губ сами.

Все вокруг нее услышало, все в том мире мертвого золота запомнило сказанное.

Чудовищный удар в грудь.

С диким воплем Рут возвратилась в жизнь.

Ты кричишь, как в первый день своего творения.

Это было больно, кошмарно больно.

Резко ее тело поднялось с металлической полки, а изо рта продолжал литься гортанный крик. Она кричала бы вечность, потому что возвращение обернулось пыткой, и тело отторгало ее. Глаза налились кровью и закатились. Она упала назад, но вдруг застучало сердце. Крик Рут захлебнулся, и началась произвольная череда болезненных вдохов и выдохов.

Это был морг. Она лежала, накрытая тонкой простыней, в окружении других трупов на многоуровневых металлических полках.

Рут сползла на пол и обмотала накидкой свое мерзнувшее тело. Ее била дрожь. Она чувствовала жизнь, но это было слишком непривычно. Как если бы она уже забыла, каково это.

Неловко стукаясь обо все подряд, девушка добралась до двери.

– Эй... – слабо выдавила она. – Меня кто-нибудь слышит?

Никто не ответил, и она вышла в другую комнату: кабинет, но дверь оказалась запертой.

– На помощь! – крикнула Рут. – Пожалуйста! Я... я жива! Слышите! Э-э-эй...

Морг молчал: ему было плевать, жива она или нет.

Внезапно в ней словно запустились невидимые часы, и что-то стало нашептывать каждое следующее действие. Быстрый взгляд на окно. Металлическая ручка легко повернулась под ее пальцами.

Как в трансе Рут взобралась на подоконник и прыгнула с третьего этажа, не получив ни царапины. Она приземлилась на обе ноги, упершись в асфальт ладонями. Мягкая и уверенная пластика, которая словно была врожденной. В забвении девушка двинулась вперед, не разбирая дороги. Ее пошатывало. Глаза смотрели, но не видели.

Действительно ли ты жива, Рут?

Вдруг вспомнилось имя, которым ее нарекли. Но глаза по-прежнему не разбирали дороги, видя только Винсента в золотистой дымке на той стороне. Он махал ей с грустной усмешкой, прощаясь.

С обретением жизни она потеряла что-то другое, может, даже более важное.

Все в этой жизни ради случайных встреч.

На улице стояла ночь, и где-то вдали выла сирена скорой помощи. Рут вышла на развилку и застыла. В этом месте чудилось что-то особенное и знакомое.

Да это же перекресток.

Внезапно, словно по чьей-то воле, она припала к земле. Невидимые руки начали выворачивать каждую часть ее тела. Таинственному шепоту вокруг вторил воздушный смех, и с каждой новой вспышкой боли возвращалась память. Она вспомнила все: мать, друзей, несчастную любовь и, наконец, свой визит к Клариссе. И как ее сбила машина. Но теперь это были воспоминания о человеке, которым она больше не была.

Рут скорчилась на земле, выгибая вверх позвоночник. Это выглядело страшно.

Ты больше не та Рут. Она умерла. Теперь ты в нашей власти. Ты знаешь, к кому идти. Иди к ней. Иди же!

Воздух искрился, и в нем дрожал необъяснимый гул, похожий на жужжание невидимого роя.

Силы стали возвращаться, а невидимые руки разжали свою безжалостную хватку... Это чувствовалось как благословение. Над головой светила луна, и вокруг было пустынно. Пошел дождь.

* * *

Кларисса леглась спать в дурном расположении духа. Весь день пришлось пробегать со слабоумным сантехником, который в итоге только перекрыл воду и обещал вернуться завтра.

«Да этот дом проще снести, чем починить тут все!» – гневно сообщила она соседке по площадке.

Потом Пушистик нализался своей же шерсти и заблевал ей все ковры. Быт ее выматывал. Наложив на дряблую шею толстый слой омолаживающего крема, она легла с твердым намерением поспать как минимум до двенадцати.

Однако в три часа ночи что-то произошло. Сначала раздался странный треск, и чуткий сон развеялся, как по движению чьей-то ладони. Присев в кровати, она вслушалась. Доносилось из прихожей. Так трещит дерево – безошибочно определил слух.

Пушистик, жирной горой лежащий на ее коленях, вдруг зашипел и издал протяжный стон.

– Ты-то что орешь? – проворчала она и принялась искать в темноте тапочки.

Внезапно в прихожей раздался грохот, от которого волосы встали дыбом. Сквозь прозрачную занавеску мелькнула чья-то фигура, но это не привидение. Привидения двери не выламывают.

Гадалка осторожно прошла в прихожую. Ну точно: дверь валялась на полу, изрядно покореженная. Чья-то дюжая сила тут постаралась. А в дом кто-то пробрался, причем дух был ей знаком.

С хищным выражением лица бабка прошла в гостиную и включила ближайший торшер. Перед ней появилась нагая женская фигура. На лицо спадали мокрые черные волосы: на улице лило как из ведра. Присев в кресло напротив, Кларисса неторопливо прикурила, и дымок успокаивающе пополз вверх. Гостья тяжело смотрела на нее исподлобья, и в этом взгляде что-то было. В девушке, оказывается, есть стержень.

– Ну, – наконец-то нарушила Кларисса тишину после пары затяжек, – умная девочка. Поняла, что ко мне надо идти.

Та молчала.

– Да, Рут, ты оказалась не такой уж и размазней. Только вот дверь ты мне поставишь назад.

С ней явно что-то произошло там. Кларисса прищурила разноцветные глаза, внимательно разглядывая ее, и в итоге удовлетворенно хмыкнула:

– А ты изменилась. Что-то тебя изменило.

– Может, ты мне скажешь, что? – наконец спросила она. – А дверь твою я с самого начала хотела вышибить.

– Верно, – задумчиво заметила Кларисса. – Рут умерла. Ты здесь вместо нее. Ну ладно. Утро вечера мудренее. Ложись на диване. Можешь взять полотенце в ванной. Завтра поговорим.

Затушив сигарету, Кларисса с не сходящей с лица ухмылкой ушла к себе. Все, как она и ожидала, кроме двери.

4

Самый неудачливый учитель на свете

*Und schrei in den Spiegel, Mann, ich brauche nichts
außer dich.*

Wir beide packen das, ich hab' dich, du hast mich.

Und hat irgendjemand von uns beiden sich mal verpisst,

War das sicher wegen Geld oder irgendeiner Chick.

*Я кричу мужчине в зеркале: мне никого, кроме тебя,
не надо.*

Мы оба это уяснили: у меня есть ты, у тебя – я.

А если кто-то из нас двоих облажался,

То стопудово из-за денег или какой-нибудь чики.

Cro, «Whatever»

Данила спешил, но сборам это мало способствовало.

«Да, конец всегда один и тот же...» – рассеянно размышлял он, швыряя в чемодан все, что попадалось под руку: рубашки, носки без пары, книги, журналы...

В комнате царил полнейший бедлам. Окно было нараспашку, и шторы колыхались от ветра. По полу перелетали листки с записями, а портрет Кафки укоризненно буравил его со стены тяжелым взглядом.

– Не смотри на меня! – возмутился Данила. – Так вышло, что я сделаю?!

Кафка его возглас никак не прокомментировал.

С улицы слышались веселые девичьи голоса. Мельком кинув туда взор, он издали увидел их тоненькие фигурки в спортивных шортах и майках с эмблемой интерната.

– Ах, чертовки, – досадливо сказал он. – Все всегда из-за вас.

«Эй, – послышался назойливый внутренний голос. – Вообще-то, это твоя вина. Они на тебя не вешались».

– Да-да, – ответил он сам себе. – То-то она виляла задницей и при виде меня задирала юбку повыше...

«Совсем не обязательно было трахать собственную ученицу», – не оставлял его внутренний голос.

– Но иначе не получалось...

Данила подхватил чемодан и вылетел из комнаты как пробка, оставив гору своих бумаг и портрет Кафки. Кажется, там было что-то еще, но черт с ним. Надо валить, пока не поздно. Он вовремя написал заявление и держал свое увольнение в тайне в течение всех последующих трех недель. Последним препятствием была *она*.

Но пока *она* ни о чем не ведает и забивает мячи на волейбольном поле. И уж лучше им не пересекаться.

Живо забравшись в ожидавшее его такси, Данила в последний раз обернулся. Темно-красное здание женской школы грозно нависло над ним, словно укор совести. Но... что за глупости. У него никогда не было совести.

«Ты псих. Просто псих и авантюрист», – сказал он себе снова.

Такси плавно тронулось с места, выезжая из тенистой аллеи. На спортплощадке опять мелькнули крепкие девчачьи попки в обтягивающих шортиках. Данила зажмурился и на вся-

кий случай ущипнул себя. Нет уж, хватит. У него и так бестолковая, неустроенная жизнь, а такие приключения не делают ее стабильней.

Но один раз пережить такое стоило. И от этого он заулыбался как идиот. Данила не мог долго пребывать в самоедстве, хотя и было немного страшно.

Мила бросилась в слезы, когда он сказал, что между ними ничего и быть не может. Ох уж эти девушки. Влюбляются с полпинка, строят иллюзии... Не он ей сердце разбил, а она сама себе. Данила потер бровь, размышляя обо всем, что произошло. Конечно, он был немного грубоват, но она фактически пасла его у каждого поворота... Любой бы сорвался...

Он вспомнил ее голубые глаза и ямочки на щеках. Такая свежесть, господи. И в ее восемнадцать еще девственница, просто удивительно. Но когда она начинала рыдать, ему казалось, что его заливают во всех смыслах. Нет, он поступил правильно. У них все равно не было будущего. Он – молодой преподаватель литературы, она – школьница, у которой в голове одни ромашки. У них разный интеллектуальный уровень и жизненный опыт... Ее совращение было явно идеей не от ума, но... она будет ему благодарна однажды.

Так он думал. Сейчас главное – уйти в подполье, и если эта история не всплывет в ближайший месяц, то он тихонько найдет себе другую работу – и можно считать, что пронесло.

Данила выдохнул и откинулся назад. Все пройдет. Все забудется.

* * *

Данила Хаблов был учителем литературы не по собственному желанию. Да и Данилой Хабловым быть ему не очень нравилось, поэтому он представлялся в Германии как Даниель. Но, несмотря на безупречный немецкий и вылизанные манеры, в нем часто пролезал Хаблов.

Вообще-то, он хотел стать писателем, но высокие помыслы не удавалось выразить в грубом материальном мире должным образом. Данила был весь в высоких помыслах. Он принадлежал к раздражающему типу творческих людей, которые все ищут какое-то таинственное вдохновение, и именно поэтому так и не закончил ни один роман или сборник стихов.

Когда ему было двенадцать, мама нашла в Интернете немца по имени Тобиас Цумм-брегель и удачно выскочила за него замуж. Так они переехали из Уфы-три-шурупа в гетто-подобный Пфорцхайм. Тобиас был неплохим человеком, но скучным, добропорядочным и, как и большинство немцев, мог часами разговаривать о сортировке мусора. От его фамилии у Данилы начинали болеть зубы, поэтому он остался в итоге Хабловым. Полный ребрендинг не удался. По-немецки на момент переезда в Германию Данила знал только два слова: Ja и Nein⁴.

Однако благодаря своей натуре губки уже через два года Данила болтал на нем так, будто он был его родной, и даже совладал с картавым немецким R и извращенной грамматикой. Только интонации изредка выдавали в нем очередного переселенца из диких земель.

Оказавшись в новой среде, Данила вывел для себя главное правило: выживает тот, кто адаптируется. Этот мир был чужим, незнакомым и враждебным. Надо было найти свое место среди наглых немецких подростков, быкующих турок, контролирующих каждый сантиметр в его районе, жуликоватых юго⁵, которые могли отделать его как тузик грелку, и одержимых приличиями взрослых немцев без чувства юмора. Если не впишешься, станешь асси⁶. Поэтому он принялся мимикрировать подо все, что видел, и открыл в этом удивительный талант: быть для всех своим в доску.

С грехом пополам удалось окончить университет, после чего Данила амбициозно решил посвятить себя просвещению школоты, хотя даже не был носителем немецкого. Зато это

⁴ Ja – да, Nein – нет (нем.).

⁵ Юго – жаргонное обозначение приезжих из стран бывшей Югославии.

⁶ Асси (от нем. Assozialer – асоциальный) – жаргонное обозначение не вписывающихся в нормы социального поведения.

неплохо вписывалось в его жизненный стиль – с пафосом делать что-то, будучи жонглером, подделкой и классическим вруном.

Он даже начал наброски к собственной программе и пребывал в абсолютном убеждении, что привьет своим ученикам безупречный литературный вкус.

Но, как уже было сказано, жил он не только этим.

Данила был гением вечеринок и сомнительных коктейлей. Если бы существовала номинация «алкотвиттер года», он сорвал бы главный приз. В области получения кайфа Хаблов мог стать учителем от бога.

И судьба дарила ему много возможностей развлечься и найти себе новых собутыльников. Он даже дружил с бомжами на районе, подкидывая им мелочи или покупая пиво. Как он сам часто говорил, его единственное богатство – это хорошие люди.

Другого богатства у него не было. После неудачного опыта работы менеджером он понял, что офисной крысы из него не выйдет. Поэтому все же решил поработать по специальности – прежде чем наконец-то закончит роман о том, как легко разбиваются сердца в нашу безбожную эпоху, и встретит свой первый успех.

Работа в обычной школе не задалась сразу. Подростки не воспринимали его всерьез, а непринужденная манера общения привела в итоге на задний двор школы, где он накурился вместе с двумя учениками. Успеваемость его класса не поднялась ни на балл, он явился на совещание нетрезвым, и его уволили. Уволили бы и раньше, узнай они про задний двор, – это был просто вопрос времени.

Данила не растерялся и попробовал заняться бизнесом: продавал брендовые очки – но только наделал долгов. Его следующим карьерным витком были интернет-разводы. Он работал на липовую фирму под фальшивым именем, продавая несуществующий товар. Но и с миром криминала у него не задалось, и он тихо разошелся с теми ребятами.

Безысходность и новые долги вернули его на стезю преподавания. Они привели его в элитный интернат для девочек, где так срочно требовался учитель, что его взяли, закрыв глаза на весьма среднее резюме и почти полное отсутствие опыта работы по специальности. И, как ни странно, дело пошло. Ученицы, привлеченные его пшеничными волосами и лучистыми глазами, ловили каждое слово, а Данила наконец почувствовал, что нашел свою аудиторию. Он даже развил какую-то активность, создав творческий клуб, где преподавал этим бабочкам азы стихосложения. Заодно декламировал свои стихи, которые им ужасно нравились, и все было хорошо, пока не появилась она.

Мила была особенной ученицей: умная, уверенная в себе, острая на язык, но совершенно не испуганная. «Как так получилось?» – постоянно недоумевал Данила. Возможно, дело было в этом интернате, в котором она училась несколько лет. Строгая дисциплина – и все дела.

Часто они оставались вдвоем после уроков, чтобы обсудить пройденную тему. У нее ведь всегда были вопросы. Иногда беседовали просто так, чинно прогуливаясь по широким аллеям интерната. Их отношения с самого начала носили возвышенный характер. Но Данила все испортил. В одну из таких прогулок, когда она жарко доказывала ему, что проза и поэзия созданы для выражения разной динамики эмоций, он притянул ее к себе и почти инстинктивно поцеловал эти милые розовые губы. Оба забыли о своих формальных ролях, учителя и ученицы, и некстати поняли, что они еще и мужчина и женщина. А когда мужчина встречается женщину, то все заканчивается отнюдь не совместным постижением метафор и аллегорий в литературе.

Итак, Данила лишил ее девственности, и о высоком они больше не говорили. Но потом Милы стало слишком много в его жизни, да и свидания были всегда проблематичны, он рисковал как никогда в жизни... Данила стихийно уволился, позорно сбежал, роняя за собой обувь и предметы одежды. Было жалко терять это место, ведь у него там все складывалось. «Но эта история закончилась», – сказал он себе и забыл про нее.

Три недели он квасил как черт, кочуя с одной вечеринки на другую. Попутно пытался искать новую работу, но без особого энтузиазма. Всем, кто приставал с вопросами о его занятости, Данила надменно говорил, что он сейчас фрилансит. Хотя умом понимал, что «фриланс» – просто снобистский заменитель слова «безработный».

О Миле он и не вспоминал.

Правда, она ему снилась. Он видел ее злые голубые глаза, полные слез, и слышал гневный крик:

– Ты пожалеешь! Я заставлю тебя пожалеть!

На исходе третьей недели расколбаса у Данилы началась безудержная рвота и заломило спину. Он не мог разогнуться и все списывал на похмелье. Ему расхотелось пить и гулять: ему вообще ничего не хотелось. Целыми днями он лежал на своем матрасе, который был у него вместо кровати, и слушал музыку: Баха, Шопена, Брамса, немного Вагнера. Его мысли ушли куда-то глубоко, и Данила стал думать о своей жизни. Такие размышления редко приводят к чему-то хорошему. Он впал в депрессию, понимая, что ничего не стоит как человек и писатель. Мать наорала на него по телефону и сказала, чтобы он больше не кланчил у них с Тобиасом денег и вообще не являлся на порог, пока не найдет работу. Друзья вдруг перестали куда-то звать, да еще с запозданием начал резаться зуб мудрости.

Все пошло вкривь и вкось.

Спустя еще пару недель он разуверился в себе как в специалисте. Он им и не был, но отказ даже на должность кассира в фастфуд-забегаловке заставил его окончательно усомниться в собственной ценности.

Он чувствовал глухую пелену вокруг своей личности, как будто паук укутывал его в белую слизь, и свет жизни гас. Самое странное было то, что он даже не мог вспомнить, как жил раньше, когда все было хорошо. Интернат и его интрижка остались в прошлом, но будущего не было, а настоящее от него отворачивалось.

Один раз Данила на полном серьезе думал наглотаться таблеток, но потом словно опомнился и тяжело провел по лицу ладонью. Надо было что-то делать. И вдруг в голове почему-то возникла она. Мила проступила так четко, что он даже видел поры на ее лице. И изнутри что-то кольнуло: это ее вина. Мила – и причина, и следствие.

Вывод нарисовался сам собой: интуитивное прозрение?

Недолго думая он набрал номер ее мобильного. Гудки длились довольно долго, но на занятиях она не могла быть: в интернате сейчас наступили каникулы. Да и вообще в этом году Мила оканчивала школу...

Наконец она ответила немного томным голосом:

– Алло.

– Мила? Мила, привет!

– Кто это?

– Это... Даниэль. Помнишь еще своего учителя?

Повисла неприятная пауза. Сердце Данилы забилось вдруг очень часто, а в груди невыносимо закололо, словно он подошел к эпицентру чего-то... важного.

– Тебе чего?

– Просто хотел узнать, как твои дела, – как можно вежливее сказал он.

– У меня-то все нормально, – невнятно пробормотала она, и что-то в ее тоне намекало на насмешку.

«Сука, знает, зачем я звоню...»

– Я бы хотел встретиться с тобой.

– Нам незачем видеться. Твои же слова.

– Просто... все так некрасиво получилось...

– А сейчас что звонишь? Красивее не станет, и легче тебе – тоже нет, – вдруг рассмеялась она.

– Слушай, – не выдержал Данила, – понимаешь ведь, в чем причина моего звонка?

– Тебе страшно, – просто ответила Мила. – Но ты заслужил.

– Мила! Мила! Что это?! Ты можешь объяснить? Я не понимаю. Только чувствую, что все дерьмо в моей жизни сейчас связано с тобой, и ты, судя по всему, тоже понимаешь, о чем я. Что ты сделала?

Мила помолчала, раздумывая, а затем выдала:

– Я говорила, что ты пожалеешь.

– Когда ты мне это гов...

Он осекся. Вживую он ни разу не слышал от нее этих слов. Но во сне... Происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

Это что-то... энергетическое? Как эти вещи называются? Сглаз? Порча?

– Отвали уже, мудак. То ли еще будет.

И она повесила трубку.

Данила присел на свой матрас, почесывая голову. Сейчас в мыслях прояснилось. Но давление в груди не прекращалось. Что же она сделала? И как? И что теперь делать ему?

В памяти всплыла их давняя беседа. Как-то они шли по аллейке, и Мила щебетала что-то про Булгакова. Они как раз читали в литературном клубе «Мастера и Маргариту».

«Безусловно, его мистицизм – еще и сильное символическое средство, не находишь?»

«Конечно, – снисходительно усмехался Данила. – Весь его роман полон подобных образов-символов. И я считаю, не все разгаданы до конца. Очень много библейских и оккультных отсылок... Взять хотя бы время, когда развивается действие романа. Полнолуние. Время шабаша и ведьм...»

«Одна знакомая тетка моей мамы – ведьма!» – непосредственно сообщила она.

«Все тетки – ведьмы... Это возрастное у некоторых женщин, не обижайся...»

«Нет, она действительно колдует людям за деньги! – возразила Мила. – О ней весь Пфорцхайм знает!»

«Мила, ты еще такой ребенок!» – смеялся он.

И она смеялась...

Данила задумался. Может быть, это знакомая ее мамы наколдовала? И если о ней говорит весь город, то, вероятно, найти ее будет легко. Пфорцхайм не очень большой. Он засел в Интернете и стал рыться на всяких оккультных и парапсихологических сайтах. Магические услуги предлагали на каждом шагу, но для него были важны отзывы тех, кто живет в их городе. Молва в таких случаях – лучшая визитная карточка...

Здесь имелась только одна такая дама, некая Кларисса, и, судя по комментариям, она оказывала весьма широкий спектр услуг.

«Приворот, отворот, черное венчание, порча, сглаз, порча на смерть, восстановление здоровья, привлечение любви, денег и удачи... гадает на Таро, рунах и кофейной гуще. Ну мега-тетка!» – вопила какая-то просветленная на эзотерическом форуме.

Но объявления с контактными данными нигде не было. Говорят, она никогда их и не давала. Люди говорили за нее. Запись велась по телефону, который передавали друг другу, и очередь обещала быть огромной.

По номеру ответил неприветливый женский голос и сказал, что ему повезло: освободилось место в пятницу с утра. Сам не понимая, зачем, Данила решил сходить, чтобы... узнать, она это делала или нет. И если делала, то пусть снимает. Пусть на этом свете чего только нет, но лучше бы Мила ему просто по лицу дала.

Сейчас в нем была только злость.

* * *

В назначенный день и час Хаблов стоял перед лиловой, неожиданно новенькой дверью и ждал, когда ему откроют. Он не знал, что увидит. Ожидал какую-нибудь старую каргу в черном, увешанную пентаграммами.

Но все пошло иначе. Во-первых, дверь оказалась незаперта. Он вошел в прихожую и увидел там... девушку: высокую, с длинными, спутанными волосами. На ней болтались майка с черепами и драные джинсы. Выглядела она немного пугающе. Что-то было во взгляде: его словно в грудь толкнули, когда она на него посмотрела.

– Я к Клариссе.

– Да, заходи, – буркнула она, выглядя почему-то очень удивленной.

– А вы...

– Не она, – отрезала девушка.

И скрылась на кухне. Данила увидел из коридора, как она взобралась на подоконник и закурила, слегка прикрыв глаза. Интересно, кто это? Секретарша или родственница?

Вся квартира воняла куревом и немного мочой. Данила поправил рубашку и бегло глянул в зеркало: побрит, пострижен и выглядит поживее. О ноги потерял жирный котяра.

– Входите уже, а! – капризно протянул кто-то.

За аляповатой занавеской, закрывающей вход, открылась безумная комната. Каждый ее сантиметр был покрыт коврами, а полки шкафа ломились от барахла. У окна в кресле сидела женщина лет пятидесяти в ярко-розовом платье в обтяжку. Она тоже курила и смотрела на него разноцветными глазами: голубым и желтым.

– Добрый день, – осторожно сказал Данила. – Вы – Кларисса?

– Да, я, – отозвалась она, не сводя с него глаз. – А ты – тот урод, что бросил маленькую Милу.

– Откуда вы знаете? – опешил он.

«Ну точно ясновидящая».

– Так это я на тебя порчу наводила, – хмыкнула она. – По фото. Что уж не узнать-то.

Все было просто. Данила присел напротив, разглядывая ее исподлобья. Не немка. По одной ее раскатистой «Р» было понятно.

«Наша, что ли?» – мельком пронеслось в голове.

– Тогда вам придется снимать, – наконец сказал он. – Мне так не нравится жить.

– Мало ли что тебе не нравится. – И она пыхнула сигареткой. – Ты это заслужил. Девочки тяжело переживают такие вещи. Я Милу понимаю по-женски.

– Но вы работаете за деньги. Я заплачу вам, и вы снимете.

Кларисса устало посмотрела на него. Данила вдруг живо увидел, что, несмотря на ее старания себя омолодить, борьба со старостью дается тяжело. Это выражалось не только во внешности, но и в некой внутренней слабости. Ему показалось, что он смотрит на прогнившее дерево, откуда лезут жучки, мокрицы и личинки. Дерево – труха. Кларисса усыхала.

Но не ее дух.

– Это не сниму принципиально, прости, – пожала она плечами. – Ходи и мучайся. Могу успокоить, что, если имеешь силу воли, порча со временем отсохнет или же станет сильнее и отнимет у тебя все, что любишь.

– У меня и так ничего нет, в том числе и силы воли.

– Тогда чего париться? – хохотнула она, не отводя своих пугающих глаз. – Бестолковый ты парень, и жизнь твоя бестолковая. Проживешь до старости, но будешь впустую маяться и ходить по кругу, ничего до конца не доведешь. И после смерти никто о тебе не вспомнит.

Данила отодвинулся от нее, пораженный неприятной глубиной ее слов: этого ему не хотелось бы знать.

– Кларисса, вы – умная женщина, – пока сдержанно сказал он. – Но почему считаете, что у вас есть право решать за других?

– А-а-а... – протянула она, – так ты из тех, кто думает, что миром все-таки правит справедливость. Ясно. Слушай. Нет справедливости. Каждый делает что хочет. А я помогаю людям импровизировать. Если думаешь, что я неправа, вряд ли будешь прав сам.

Ее странная речь не показалась ему вдохновляющей. Но терять действительно было нечего, кроме достоинства, которое и так втоптали в грязь.

Он уселся в кресле поудобнее и сказал:

– Я отсюда не уйду. Буду сидеть тут, пока вы не снимете свое дерьмище.

– Ну, это мы еще посмотрим, – невнятно сказала она, дав сигарету в пепельнице. – Ру-у-ут! Иди сюда.

Раздался шорох шагов, и в комнату лениво зашла та самая девушка, что его впустила. Она выглядела отстраненной и равнодушной.

«Значит, Рут», – не к месту подумал он.

В ней было что-то от вышибалы. Не в комплекции, а в какой-то угрожающей манере двигаться.

– Выведи этого сосунка, – велела Кларисса. – У меня еще два приема сегодня.

Это было даже комично. Данила со смешком взглянул на эту Рут и спросил:

– Ты, что ли, ее секьюрити?

– Приходится иногда, – дружелюбно ответила она. – Встань лучше сам.

– Да пошли вы обе! – хохотнул Данила. – Ты, ведьма, ответишь за все свои пакости. А ты... – он остановил свой взгляд на девушке, – ты мне нравишься. Так что не будем ссориться.

Рут взяла его за шиворот и легко оторвала от кресла. Данила не понимал, откуда в ней такая сила. Кларисса закурила новую сигарету и уставилась в окно, не проявляя к ним интереса. Ее, похоже, заботило что-то свое.

Девушка потащила его к выходу, а он брыкался как мог, в итоге удачно врезал ей в живот и вырвался.

– Я вызываю полицию... – непонятно зачем объявил он.

Вдруг Кларисса встала; ее взгляд неотрывно блуждал по нему.

Рут же разогнулась и со всего маха дала ему по лицу ногой в тяжелом ботинке. Данила живо опрокинулся на спину и слегка выпал из реальности. Как в тумане над ним возникли два лица: сначала длинноволосой силачки, а затем этой бабки-экстрасенса.

– Ну что за грязная работа... ни точности, ни аккуратности, – пробрюзжала Кларисса.

– Ты сама меня попросила.

– Не мешок же с картошкой...

– Что ты так пялишься на него? Увидала что?

– Да... Выруби его, планы поменялись.

Что эти сумасшедшие делают вообще? Данила пытался запротестовать, но Рут с силой приложила его голову к полу, и он отключился.

* * *

Сознание возвращалось с трудом. Это походило на рывки в каком-то киселе. Но они вели к свету, который постепенно ширился и вскоре больновато обжег глаза. Ощущения были ужасные: голова ныла, а тело почему-то не слушалось. Во все стороны поползли блики, но так и не сфокусировались. Пока он видел мутные пятна и слышал приглушенные голоса, оставляющие долгое эхо в его голове.

– И сколько таких засранцев тут ходит, я не знаю...

– Да брось, эта ваша Мила – тоже не дура, раз запрыгнула на него.

– Поговори еще. Она мне как дочь.

– И поговорю. Кларисса, ты не умеешь работать с людьми. Сообщаешь людям все гадости, которые видишь. И еще те, которые просто приходят в твою крашеную голову.

– Я говорю правду. Кому нужен сироп в уши, пусть идет к шарлатанам. Они тебя всего вылижут...

– Ты демотивируешь и унижаешь людей! Какого черта ты сказала ему про его бесполезную жизнь? Почему льешь помой на всех, кого видишь?

– Хватит со мной пререкаться... Кажется, наше солнышко очнулось.

Данила издал мучительный стон. Он увидел, что по-прежнему дома у гадалки. Над ним, как телебашня, возвышалась эта Рут, а на табурете в позе нога на ногу восседала Кларисса и, как всегда, курила. Сам он, связанный, валялся у стены.

– Что вам нужно от меня?... – промычал он.

Кларисса встала и перебралась к нему. Ее загадочные разноцветные глаза снова оказались вблизи. Мгновение его изучали, затем раздался тонкий смешок.

– Он и сам-то не очень понимает, что у него есть...

– Простите меня за Милу, – застонал он. – Прошу вас, только отпустите. Обещаю, что и пальцем ее не трону. Мне плевать на вашу порчу. Я все вам прощаю. Только отпустите меня.

– На тебе больше нет порчи, – пыхнула сигареткой Кларисса.

– Как нет? – опешил Данила.

– Я сняла ее час назад, – буднично отозвалась она, возвращаясь на табурет.

Загадочная Рут пялилась на него тяжелым взглядом, в котором скрывалось неподдельное сочувствие.

– Правда? Спасибо. А можно я пойду?

– Ну, если ты такой ловкач, попробуй уползти, – съязвила Кларисса.

– Вы же сказали, что ничего с меня снимать не будете... Зачем вы тогда это сделали?

В голове что-то вязко крутилось, и хотелось блевануть.

– Потому что ты мне нужен.

Он предпочел бы услышать эти слова из уст какой-нибудь милой девочки. От этой стареющей мадам они звучали хреново.

– Рут, сунь ему под башку подушку, чтобы он мог меня видеть.

Принесли валик, который воткнулся куда-то под затылок. И впрямь стало легче. Он наконец-то перестал задира́ть и без того ноющую шею.

Интересно: почему эта Рут ее слушается?

– Сейчас говорю я. Перебьешь – она тебе врежет снова, – начала Кларисса, сосредоточенно крутя меж пальцами свой смолящий бычок. – Даниэль, при обычных обстоятельствах я бы открыла твои яйца и в рот тебе их засунула. Педофил чертов...

– Ей восемнадцать, – вклинилась Рут.

– Так, перебьешь меня – пойдешь отсюда вон! – рявкнула ей Кларисса, а затем снова уставилась на Данилу: – Но с тобой все непросто оказалось. Знаешь, что ты – медиум?

Данила даже в своем паршивом состоянии начал ржать.

– У тебя интуиция покруче моей будет. – Из рта Клариссы при этом вытек голубоватый дым. – Как ты вообще понял, что это от Милы идет, а? Сразу ведь почувствовал... И по жизни тебя интуиция вела, хотя ты ее тратил на всякое дерьмо. Тебе еще надо учиться. И талантов у тебя много. Это единственное, что мне в тебе нравится. А так ты – урод болезный.

– Да идите вы, – не выдержал Данила.

– И Рут ты увидел с самого начала. Ее никто не видит, понимаешь меня? Я еще, как слышала, что вы говорите в прихожей, удивилась... А ты, оказывается, просто экстрасенс

редкой силы. Слушай сюда. Я выполняю одну сложную и тонкую работу. Только такие, как мы с тобой, могут за нее браться, – спокойно добавила Кларисса, демонстрируя вдруг удивительную перемену в настроении. – Но я старею и скоро умру. Это и ты заметил, когда меня увидел. Правда, не уверена, что ты понял то, что увидел... Так вот, мне нужен преемник. И им будешь ты.

«Боже, развидь меня. Куда я вляпался...» – бессильно пронеслось в голове. Кларисса, словно прочтя его мысленные потуги, добавила:

– Ты еще долго не будешь понимать. Это нормально. Ты жив, если это для тебя важно. Но отныне ты – мой ученик и будешь служить высшим силам.

– Да вы больные, – поразился он. – Покемонов своих лови́те, а не людей живых!

– Развяжи его...

Девушка соскользнула со своего места и распутала узлы. Данила с трудом потянулся и рванул на негнувшихся ногах к двери. Он открыл ее, вылетел в подъезд и... опять оказался на кухне. Кларисса скучающе курила, глядя на него сквозь дым, Рут застыла у окна, сложив руки на груди. Данила с каменным лицом развернулся и выбежал снова... И опять влетел в кухню.

– Да не выйдешь ты отсюда, кретин, – пробрюзжала Кларисса. – У тебя кандалы на ногах, и двери все уже закрыты, кроме одной... Она ведет к нам. Ты что, думаешь, меня просто так ведьмой называют?

Данила тяжело дышал, глядя во все глаза на этих двоих. Почему-то вспомнился Булгаков: ведьмы – они существуют.

Кларисса выглядела изможденной. Встав, она сказала:

– Все, надоели вы мне. Рут, закрой окно... А ты... Я не сейчас тобой займусь и не сразу представлю Господам. Сначала я отдам тебя Рут. Побегашь с ней, посмотришь на ее работу. Будет полезно. Считай, это остаток твоего наказания за Милу. Теперь ты – помощник этой милой девочки.

С этими словами она ушла в спальню. Кот, который прохлаждался под окном, с противным мяуканьем побежал за ней. На кухне стало тихо. Данила испуганно посмотрел на Рут, испытывая помесь облегчения и страха. Облегчения оттого, что вместо жуткой тетки он будет с этой девушкой. Она ему нравилась, хоть и пнула его по лицу. А страх был от того, что его ожидало. Интуитивно он понял, что его жизнь в некотором роде закончилась, несмотря на то что он был жив. Теперь все будет по-другому.

Рут улыбнулась ему, но не очень приветливо. Она была грустной, успел заметить он. И за ее грубостью не сразу удавалось разглядеть миловидность черт.

– Что теперь?

– Пойдем домой.

– Домой?

– Да, это будет и твой дом.

Она взяла его за руку и вывела из квартиры на улицу. Больше не было безумных возвращений в гадкую кухню. Данила чувствовал, что он будет теперь там, где Кларисса захочет, чтобы он был. Он сжал руку Рут крепче. Если все тут ненормальные, то надо хотя бы держаться самого приятного человека.

5

О Даме и Господах

*No emotion, that's what business is,
Lord, have mercy on the witnesses.*

*Никаких эмоций, такой у нас бизнес,
Боже, пожалей свидетелей.*

Imagine Dragons amp; Lil Wayne, «Sucker For Pain»

Данила нервно кусал губы, стоя перед очередной дверью. Он уже мог написать книгу, где каждая глава начиналась бы с двери. Они были самые разные: старые, новые, потертые, железные, с глазками, крашеные, обитые кожей...

Рут продолжала жать на кнопку звонка с каменной физиономией. Подбородок был слегка вздернут, а веки полуопущены.

– Может, его нет дома? Пошли, скажем, что его не было... – с надеждой сказал он.

– Да он там.

– Серьезно, давай возьмем большую пиццу, еще какой гадости, посмотрим кино... Рут...

– Заткнись.

Когда дверь не открывали, она ее выламывала. Данила лишь зажмурился, а нога Рут вдарил по хлипкой деревянной створке. Сила пинка была просто потрясающая. Еще один. Еще. Дверь качалась на петлях, но держалась. В конце концов проломилась посередине.

Запустив руку в дыру, она открыла замок и сняла цепь.

Нет, честно, эта Рут пугала его иногда до чертиков. Она была сильной, как два мужика, и действовала словно таран.

Девушка вступила в квартиру первой, а Данила трусливо посеменил за ней. Всем своим видом она говорила, что выполняет работу, ничего личного.

Квартира казалась пустой, пока в самой дальней комнате они не обнаружили дрожащего мальчика. Тот прятался за диваном, но его все равно было видно. Данила встал как вкопанный, а взгляд Рут вспыхнул легким сомнением.

– У нас ничего нет, – хрипло сказал он, чуть высовывая всклокоченную голову. – Пожалуйста, не убивайте меня.

– Рут, – тихо сказал Данила, – он же мелкий совсем...

– Вижу.

Она присела на одно колено, внимательно разглядывая его темными глазами.

– Как тебя зовут? – доверительно спросила она.

– Том.

Они с Данилой переглянулись. Все сходилось. Он мог их видеть, и звали его так, как сказано в наводке.

– Вы обе больные с Клариссой. Скажи ей, черт возьми, что это семилетний ребенок! – не выдержал он.

– Думаю, она знала, – покачала головой Рут. – Просто не сказала нам.

Повлиять на ситуацию он не мог, представляя собой какой-то пугливый говорящий балласт. Кларисса упоминала, что они делают какую-то очень тонкую работу, но пока он видел только, как Рут нарушает личное пространство незнакомых людей. Во всех смыслах.

Мальчик переводил взгляд с нее на Хаблова и обратно. В короткой тишине даже получалось разобрать, как бешено стучит его сердце.

– Послушай, Том... я... не враг тебе.

С ужасом он глядел на нее, не в силах выдавить хоть слово. А что она хотела, вломившись к нему в дом?...

– Дело в том, что ты не совсем простой мальчик, – осторожно подбирая слова, начала Рут. – Ты слышал о медиумах?

На нее смотрели все тем же затравленным взглядом, но в нем начало брезжить искреннее недоумение. С минуту он молчал и наконец выдал догадку:

– Они говорят с духами. По телевизору показывали. Когда у звезд теряются вещи, они идут в программу «Битва медиумов», и вещь находят.

– На самом деле все чуть-чуть по-другому, – продолжила Рут. – Медиумы – это посредники между мирами. Ты живешь на две реальности, понимаешь? Но пока не всегда осознаешь разницу. Ты можешь видеть других существ, не принадлежащих миру людей. Например... ну, вот нас. А еще я знаю, что иногда ты видишь на перекрестках темную фигуру, которая тебе кивает, будто знает тебя. Но больше никто ее не видит.

Глаза маленького Тома стали как два выпуклых шарика.

– Откуда ты знаешь, – спросил он, – про фигуру на перекрестке?

– Я... просто знаю. Перекрестки – это лазейки между разными мирами. Там пересекаются разные вселенные. Поэтому... раз ты видишь, то и тебя видят. Вот и здороваются.

Том молчал. А что можно было сказать на такое странное заявление? Но настрой к Рут уже стал более дружеский. Когда кто-то знает твой секрет, то получает ключ к твоей душе. На Данилу бросили короткий взгляд, и тот понял, что пора. Он извлек из рюкзака вакуумный шприц и средство для дезинфекции.

– Я... я выполняю... одну работу, – чуть менее уверенно добавила Рут, не отводя от мальчика пристального взора. – Она заключается в том, чтобы защищать медиумов вроде тебя от того, что на перекрестке. Иначе однажды оно заберет тебя. Нас послали те, кто хочет сохранить мир и порядок между мирами. Поэтому сейчас я кое-что сделаю... и ты будешь в безопасности.

Том тревожно дышал, а в его глазах дрожали тысячи бликов. Рут наклонила голову и спросила:

– Ты же мне веришь? Ты же понимаешь, что я хочу тебя уберечь?

Вообще это звучало как откровенное давление. «Только попробуй мне не поверить: я дверь выломала, прикинь, что еще могу сделать!» – читалось в наклоне ее головы и напряженной линии губ.

– Да, – не очень уверенно ответил мальчик.

– Хорошо, – голос Рут понизился, а глаза налились матовой тяжестью.

Данила ненавидел этот момент. Хуже любого ужасика, потому что он-то знал: спецэффектов тут нет.

– Дай мне руку, – отчетливым шепотом сказала она.

Том настороженно приподнял ладонь, но в последний момент замер. Что-то в виде Рут ему не нравилось.

В голове Хаблова уже писался сатирический хоррор-роман. «Правило выживания номер один: никогда не верь девушкам, чьи глаза имеют особенность внезапно чернеть. Правило выживания номер два: ничего не давай таким девушкам. Даже руку!»

– Ну же, малыш... Я – твоя защитница.

Радужка словно напозла на белки, и ее глаза утонули во тьме. Рут пугала и одновременно заволаживала. Наконец Том коснулся ее ладони.

– Скажи, что доверяешь мне. Скажи, что разрешишь мне кое-что у тебя взять. Для твоего же блага.

– Да... – неуверенно ответил мальчик.

Их пальцы на мгновение окрасились золотом. Сделочка заключена.

«Тебе всего семь, и ты уже полный лох...» – цинично размышлял Данила. Он-то в пять лет знал, что взрослым верить нельзя. Особенно когда они что-то у тебя кланчат с таким видом.

– Вот и умница, – произнесла Рут, и глаза мигнули легким отсветом, возвращая себе нормальный вид.

Затем она прыснула средством для дезинфекции на сгиб его локтя. Данила запоздало вытащил из рюкзака жгут. Она перевязала руку, нашла вену и безошибочно попала в нее с первого раза. Темная кровь стала медленно заполнять колбу шприца.

Том был в невменяемом состоянии, как и все его предшественники. Его втянуло в какой-то транс. Теперь он полулежал на полу, облокотившись спиной о диван, из него с тихим присвистом вырывалось размеренное дыхание.

– Ты в курсе, что потом делают с кровью?

– Отвянь.

– Кларисса хоть объяснила? Может, она просто пьет ее, как вампир киношный...

Глаза Тома закатились, а дыхание стало совсем тихим.

– Слушай... – Рут подняла на него мрачный взгляд, – мне плевать, что бабка делает с кровью. Пусть хоть купается в ней. Я на нее работаю. Мое дело – получить согласие человека и выкачать ее.

– А что если это жертвоприношение? Черная месса? Вселение беса...

– Поверь, все бесы – это люди.

– Откуда такая уверенность?

– Я там все видела, чувак, – всплеснула руками Рут. – В этом самый хреновый момент всего нашего существования. Там вообще ничего нет.

Данила провел по лицу пятерней, пытаясь унять нервозность. Оба поняли, что все еще торчат в чужой квартире и бессмысленно пререкаются. Надо валить, пока этот мальчуган не очнулся.

– Может, и жаль, что дьявола нет... – пробормотала Рут, упаковывая рюкзак. – Меньше неопределенности было бы. Что уж говорить про бога.

– Дьявол – это ты, – раздраженно ответил он и первый вышел из квартиры.

Когда она в первый раз провернула этот трюк с черными глазами и забором крови, он визжал как свинья. Данила никогда не был сильным. Он был умен, нагл, но боялся всего и вся, особенно паранормальной жути, потому что, с разумной точки зрения, эти процессы неуправляемы.

Но потом привык. Хотя тошнотное ощущение не оставляло, а хваленая интуиция орала, что кровь у людей никогда не забирают для благих намерений.

Часто он спрашивал себя: будь он на месте их жертв, повелся бы на такое? Ведь если представить: в квартиру вламывается какая-то озверевшая баба и чего-то очень от тебя хочет, но никогда не объясняет, чего.

Вдруг гостя без переходов начинает сыпать чужими секретами. Она не только про перекресток и странные галлюцинации угадывает, но и знает, когда был первый поцелуй, сколько стоила тачка, дату смерти бабушки или какое порно жертва качает из Интернета. Особо наивным (например, первому ребенку в их списке) надо наплести про защиту и спасение мира. С другими – сыграть на чувстве вины, тайнах, индивидуальных комплексах. Все ради десяти миллилитров крови.

Свою руку он тоже прикладывал, помогая манипулировать людьми, когда фантазия Рут иссякала. Лишь бы они добровольно подставили вены: в этом заключался ключевой момент поручения. От этого становилось еще противнее.

А все Кларисса и ее заказы. Как наяву встало стареющее, хитрое лицо с извечно чадающим бычком в уголке накрашенных губ. Он и представить не мог, как давно бабка этим промышляет. Вероятно, еще до Рут. Теперь же впрягла их обоих...

Рут вышла за ним. Он слышал, как хрустит гравий под ее ногами. Что там с Томом? Что произошло с ним в тот момент, когда она коснулась его руки? А с его внутренним миром, когда она забрала часть его тела и души с собой? Кто знает.

Они довольно долго шли молча. Оба знали, что не будет погони. Даже если их кто-то увидит... Хотя что за глупости, никто из обычных людей их не видел. Они вне жизни, и это была данность, с которой ему пока не удавалось примириться.

– Почему ты это делаешь? – снова начал он. – Зачем помогаешь ей?

Рут откинула назад волосы и ответила:

– Мне нужно завершить одно важное дело. Пришлось пойти в услужение ведьме. Другого способа нет.

Она была немногословна, любую информацию из нее приходилось вытягивать клещами. Все время, что они жили вместе, как брат и сестра, Данила постоянно наблюдал за ней, отслеживал мрачные перекуры на балконе, грустные взгляды и понимал, что она испытывает глубокую боль и тоску. По чему – это был уже другой вопрос. Возможно, по своей прошлой жизни.

«Хотел бы я знать, что ты видела после смерти...» – часто думал он.

И вот сегодня она любезно поделилась тайным знанием.

«Там вообще ничего нет».

И то верно. Зачем нужен загробный мир и резервуары в виде рая и ада, когда они все крутятся между жизнями, как белье в стиральной машине?... Бытие оказалось бесконечным циклом перерождений, и человек разгребал свои причины и следствия в каждом новом воплощении. Буддисты не ошибались насчет колеса обусловленного существования, да только об исключениях они ничего не знали, а они были. Например, Рут. Мертвая, которая не перешла в новый цикл, и встряла, словно камень между шестернями экзистенциального механизма. Ни назад, ни вперед. Живые ее не видят, но она все еще среди них. Поэтому ей и пришлось податься к Клариссе. Данила понимал без ее объяснений, ведь только экстрасенсы видят привидений и, вероятно, могут им чем-то помочь...

А что делал он? При чем тут вообще он?

Этого они пока не знали.

Данила просто жил рядом с Рут, имея статус странного иждивенца или прислуги – как посмотреть. Когда они приходили в их просторную темную квартиру в мансарде одного из старых жилых домов, оба были просто людьми. Смеялись, вместе готовили, пару раз даже напивались, хотя к себе Рут его не подпускала. Жили мелким воровством из супермаркета, но угрызениями совести не мучились. Раз их вышвырнули из жизни, то правила и законы больше не для них.

Часто Рут уходила к ведьме: иногда по каким-то их магическим делам, а порой выполняя бытовую работу по дому. Временами уезжала надолго и никогда не рассказывала, куда и зачем. Данила готовил, сам же съедал свою стряпню, смотрел телевизор, убирал, стирал и гладил. Больше в одиночку делать было решительно нечего. Писать тоже не хотелось. Все, что его раньше влекло в жизни, вдруг поблекло.

Изредка он выбирался в город, но бродить по улицам, зная, что тебя все равно никто не заметит, не имело смысла. А наблюдение за жизнью, частью которой он сам недавно был, лишь вгоняло его в депрессию. Но потом приезжала Рут, и он взбадривался. Данила не очень любил грустить, даже если обстоятельства складывались паршивым образом.

Так, их совместная жизнь отдавала подобием дружбы и немного печалью. Потому что бывали моменты, когда во внезапно воцарившейся тишине они понимали, что оба здесь от отсутствия выбора, а не по собственному желанию.

Все менялось, когда звонила Кларисса и называла им имя. Рут шла по адресу, а Данила должен был быть рядом и чему-то таким образом учиться. Честно говоря, оба подозревали, что Клариссе просто не до него. Потому что формально его обучать должна была она, а не Рут.

«Что я вообще должен буду делать? – недоумевал он. – Жечь шалфей и говорить с духами?»

«Насколько я понимаю, она работает с энергией. Так и получаются все эти порчи и привороты...»

«Нет, я о другом. Она сказала, что выполняет какую-то очень тонкую работу. И я должен буду заниматься ею тоже. Раз вы меня похитили и лишили возможности самореализоваться по-иному», – не без ехидства добавил он.

«А, это... Она... работает с Господами. Так она их называет, – взгляд Рут стал настороженным. – Не знаю, кто они, но с ними может говорить не каждый. Это они привели меня к ней после смерти. Не уверена вообще, хорошие они или плохие. Скорее всего, нейтральные, но имеющие свои интересы».

«И кровь мы для них собираем?»

«Подозреваю, что да. Я не спрашиваю, Данила, я выполняю».

После той первой встречи они ходили к Клариссе вместе только раз. Большую часть времени он просидел на кухне вместе с ее жирным котом, а Рут и ведьма закрылись в комнате и что-то бурно обсуждали. Иногда он вслушивался и понимал, что с ними был кто-то еще, но не мог разобрать третий голос.

«Странно это, – поделился он как-то с Рут. – Иногда я думаю, что меня просто накачали наркотой и брехня это все – про вашу магию. На самом деле она работает на мафию, а мы – на нее».

«Ну, работать на этих Господ – вполне себе быть в мафии, но не совсем обычной».

* * *

Они вернулись домой, все так же не разговаривая. Рут разогрела пиццу из морозильника, но сама к ней не притронулась. Данила не мог долго на нее дуться, поэтому пришел на балкон, где она коротала вечер. Перед ними расстилалась панорама широкой дороги и ряда частных домов. В этом районе царила умиротворенность благополучного пригорода.

Данила посмотрел на нее с ласковым прищуром, как обычно любил глядеть на приятных ему девушек. Рут была симпатичной, но сразу этого было не разглядеть. Ему нравился момент этого открытия: вглядываться в ее неприветливое, самую малость грубоватое лицо, чтобы начать замечать скрывающуюся в нем красоту. Она же словно никогда не замечала его взглядов.

Он присел рядом с ней на выступ в стене и тоже положил ноги на перила балкона. Солнце заходило, и их городок постепенно погружался во тьму.

– Ты не подумай. Я тебя не осуждаю, – начал он. – У тебя свои причины, и я их уважаю. Просто... и ты меня пойми. Мне-то вообще ни хрена непонятно.

Рут кивнула, но ни слова не проронила. Ох и умеет она вести беседу.

– Кровь, рукопожатия, брехня, чтобы получить их согласие... Очень похоже на сделку по продаже души. Вот я и беспокоюсь, в верный ли я бизнес попал.

– Ну, если я и приобрела что-то вроде души, то не чувствую себя богаче ни в каком смысле, – чуть севшим голосом проворчала она.

– Так не ты покупатель, – фыркнул Данила. – Покупатель – Кларисса. А может, даже ретейлер. Это сложная цепочка.

– Я просто делаю свою работу, – в сотый раз повторила она свою любимую фразу. – Другой у меня нет. Чего-то получше, чем Кларисса, – тоже.

Носок ступни Данилы укоризненно покачался из стороны в сторону.

– Что у тебя произошло в жизни такого, что ты пошла к гадалке? – снова попробовал он развести ее на откровенность. – Я на своем опыте понял, что к таким обращаются, когда ничего другого не остается.

Рут закинула сигарету в пепельницу и пожала плечами.

– Теперь я понимаю, что ничего особенного.

– Но что именно? – не унимался Данила. – Порча? В любви не везло?

– Что-то типа, – поморщилась она. – Сейчас ясно, что мои проблемы и яйца выеденного не стоили. Но тогда это наполнилось смыслом. Да во всем было больше смысла, чем сейчас...

Последнее прозвучало как-то уж совсем безрадостно.

– Хочешь знать правду? Я просто... глупо и нелепо умерла, будучи дико расстроенной ее предсказанием. Думаю, поэтому и не увидела ту машину. Я всегда ей говорю: осторожней со словами. Она любит говорить гадости... – и Рут усмехнулась с каким-то мрачным огоньком в глазах. – Но я до сих пор не понимаю, что было после смерти... Я была нигде. Кларисса говорит, так бывает, когда по случайности прерывается неотработанная жизнь, но вместо перерождения человек вылетает неизвестно куда... Черт разберет, почему я умудрилась вернуться.

Девушка помолчала, ненадолго погрузившись в свои мысли, а затем продолжила:

– И мы должны менять форму при перерождении. Так работает Вселенная. Потому что какие-то причины отмирают, и в каждой жизни накапливается новый потенциал, который выражает себя в последующей. Души – как клетки кожи – постоянно обновляются. Мы не должны быть прежними. Но я – какая-то мутация в системе.

– Ты – прекрасная девиация, – лишь вздохнул Данила. – Будь я в хорошем настроении, назвал бы так стих в честь тебя.

– Звучит не очень.

– И что же тебя связывает с Клариссой? – вкрадчиво вклинился его вопрос вместе с последним лучом угасающего солнца. – Откуда твоя лояльность, не могу понять. Она вытерла о тебя ноги, буквально толкнула на смерть, а ты пришла к ней снова.

– Кларисса и Господа мне помогут. Я говорила: есть у меня одно дело. Ей нужны мои услуги, а мне – ее. Это сотрудничество.

– Ну что за дело? Почему ты такая скрытная?

– Ты назойлив, – отрезала она.

Данила надулся, но ненадолго. Где-то вдали районы города один за другим зажигались электрическим светом.

Вот такие они с Рут чудаки. Не верят богу, новостям и политикам, зато внимают бомжам из подворотни и хамоватым гадалкам, ибо у всех свои пророки.

– Я интересуюсь тобой, – высокомерно добавил он. – А вот ты даже не спросишь про мою печальную историю.

– Да что там спрашивать? – хмыкнула она. – Я ее и так знаю...

– Ну а как же мои личные переживания на этот счет?

– Ты не умеешь заморачиваться на чем-то дольше трех секунд. Извини, я не верю в твои глубокие страдания.

Данила снова надулся.

– Ладно, ладно. Еще сама расскажешь мне, что там тебе обещали эти Господа, – заявил он.

Рут чуть улыбнулась – опять ни весело, ни грустно – и ушла в квартиру. Хаблов еще пару мгновений пялился вниз. Ему вдруг вспомнилось, что в детстве он жил в похожем доме. И если уж соседские мальчишки лезли на крышу, то добра не жди. Пакеты с молоком и водяные бомбочки обрушивались перед зазевавшимися прохожими, а ребята с хохотом прятались, чтобы их не увидели, помирая от смеха. Невольно он улыбнулся, вспоминая об этом. Но однажды их

забавы прекратились, потому что один такой пакет упал на голову зазевавшейся девочке, и у нее было сотрясение мозга. Так он уяснил, что бывают шутки, от которых никому не смешно.

Данила так и не понял, к чему сейчас это вспомнил. Похоже, высота навеяла. Он слез с подоконника и отправился вслед за Рут.

* * *

Ночью раздался телефонный звонок. Рут слабо пошарила по столу. Где-то рядом мигала зеленая подсветка экрана. Из своего угла застонал Данила.

– Да возьми уже трубку...

– Да... – ответила она, не будучи уверенной, что нажала ту кнопку.

Но кнопка была та, а голос знаком до зубной боли.

– Собирайтесь, – проскрежетала Кларисса. – Мне нужен Хаблов.

– Что за спешка?

– Господа хотят вас видеть.

* * *

Вот и настало время третьего визита.

«Три – счастливое число, – непонятно к чему думал Хаблов. – Бог троицу любит...»

Хотя после того, о чем проболталась Рут, он начал подозревать, что начинать в кого-то верить уже бесполезно.

Они вошли в подъезд и сели в исписанный непристойностями лифт. На пороге квартиры их уже ждала Кларисса в очередном цветастом платье и псевдозолотом колье. Так одеваются только недомерки или проститутки.

– Мне остаться? – спросила Рут.

Из кухни нарисовалась рыжая грудa жира. Пушистик приветливо потерся о ноги Данилы.

– Ну, фу-у-у! – была его реакция.

– Нет, милая... – отозвалась Кларисса, растерянно глядя то на Пушистика, то на Хаблова.

– Ты сказала, что Господа хотят видеть нас обоих.

– Я обобщила. Мне нужно было, чтобы ты привела ко мне эту бестолочь.

Но Рут почему-то не выглядела радостной оттого, что она свободна. Она буравила бабу тяжелым, недоверчивым взглядом, и Кларисса нервно хмыкнула:

– Иди, детка. Ночь уже.

– Ночь уже давно. Я хочу поговорить с Господами.

Данила превратился в уши, пытаясь понять, что тут происходит.

– Я не в курсе, как продвигается мое дело. – И Рут слегка вздернула подбородок. – Я жду слишком долго.

– Все ждут, милая. Жизнь – это очередь. Иди домой. Мы с тобой отдельно встретимся.

В лице Рут что-то стянулось, сильнее обозначив жесткость ее черт. Было видно, что ей хочется продолжить разговор и есть что выяснить. Но явно не хотелось говорить при Даниле. В них стрельнули недобрым взглядом, и она ушла, ударив дверь о косяк. С потолка осыпалась штукатурка.

– Я с этой девкой только на ремонт и буду тратиться, – процедила Кларисса и удостоила горе-пленника обесценивающим взглядом. – Ну, что стоим-то? Топаи в комнату.

Данила вошел в уже знакомую гостиную. Сейчас в ней царил полумрак, в котором потонули все ее керамические мопсы, мадонны и хрустальные графины.

Кларисса вошла вслед за ним, села в кресло и вдруг перешла на чистый русский:

– Ну что, милоч, вот и добралась я до тебя.

– Я так и думал, что вы из наших, – только поморщился Хаблов. – Акцентик этот, ковры на стенах, люстра под хрусталь. Вывезли из России весь колорит.

– Та я не из России, – вдруг дружелюбно отозвалась Кларисса. – Я из Одессы. Но это неважно, откуда я. Живу здесь. А поговорим мы с тобой на русском, дабы сократить неловкую дистанцию между нами.

Кларисса выглядела очень спокойной, даже будничной. От прошлой желчности по отношению к нему и его сексуальной афере не осталось и следа.

– Что ты понял из работы Рут?

Данила поскреб лоб, но нашелся:

– Что вы ищите людей... вроде... м-м-м... вас и меня, типа медиумов, которые могут видеть нас с Рут, и выкачиваете из них кровь.

– Умненький мальчик.

Ведьма светилась странной улыбочкой, в которой брезжили какие-то намеки. Лампы вокруг стали еще тусклее или же это было его субъективное ощущение... Кларисса темнит, мутит воду.

– Я в курсе, что вы подвязаны на какую-то магическую работу. Выполняете людские желания за деньги, – ровно сказал он. – Возможно, что за каждое надо платить еще и кровью.

– Да, я работаю с желаниями, и не только с людскими. И ты должен научиться делать то же.

– Что же именно?

– Работать с разными клиентами. Видишь, я даже не злоупотребляю экстрасенсорной терминологией из объявлений. Я говорю с тобой как деловой человек.

И она прикурила.

– Разумненько. Ну и кто наш особенный клиент?

– В этом деле – Господа. И ты с ними сегодня познакомишься. Но для этого, – она таинственно понизила голос, – ты должен их вызвать.

– Есть телефон?

– Метафорический. Я покажу тебе, как набирать номер.

Кларисса постучала сигаретой о пепельницу и зашлась в сильном кашле, а Данила внимательно смотрел на нее, замечая странные вещи. Так уже было в первый визит. Он увидел дерево, которое прогнило внутри, и из него лезли черви.

Сейчас у него вдруг снова появилось какое-то... параллельное зрение. Это как видеть Клариссу и одновременно с ее образом что-то другое. Разложенный каркас. Из него бегут жучки, рассыпаются мириадами. Он одновременно видел два среза реальности: эту и ту сторону.

Кларисса наблюдала за ним поверх сигареты, прекрасно понимая, что он видит.

– Вы сказали, что умираете.

– Это правда, – без всякого страха ответила она. – У меня рак поджелудочной. Я вообще уже лежать должна в хосписе и ждать, когда сдохну. Но я латаю себя сама и запланированное выполняю, пока есть Рут и ты. Понимаешь, когда ведьма слабеет, она ищет себе новые руки. Рут мне привели сами Господа, ибо я уже голову сломала, как найти кого-то, ни мертвого, ни живого. Видишь ли... она – не просто девочка на побегушках. Она – договор, бумага, на которой расписываются. В общем, пропускник моих контрактов. Но любой договор – энергетически тяжелая ноша. Я уже не тяну. Нужна болванка, пустая оболочка, которая соберет для меня все, как кувшин – дождевую воду... И Рут нашей ничего уже не будет, ибо страдают от сделок только живые. Но еще мне нужен ты, Данила. Ты завершишь обряд.

– Потому что у вас уже силенок нет?

– Верно.

– А что за варварские методы? – припомнил он ей свое похищение. – Вы не могли договориться со мной? Я довольно открытый человек, когда меня не бьют по голове и не стирают из жизни.

Кларисса рассмеялась грудным смехом и выпустила из ноздрей дым. Не женщина, а дракон.

– Понимаешь, в этом деле нужна мотивация. У тебя с ней в обычном состоянии проблемы. Ты соскочил бы и договор со мной в жизни не стал бы заключать, зная, что штрафуют смертью.

– Это да... – туманно протянул Данила, понимая теперь, что бабка поймала его как рыбку в сеть.

Единственное, за что он цеплялся, – это жизнь. А сейчас его этой жизнью, похоже, будут мотивировать. Замысел Клариссы стал ясен.

– Пришлось посадить тебя на цепь. И будешь ты делать все, конечно, из-под палки, – дружелюбно продолжала ведьма. – Но потом – одни плюсы. Я освобожу тебя, Хаблов, верну в люди, более того, ты будешь уметь то, что другим только снится. Сможешь вершить чужие судьбы, как я. Хорошая награда, не правда ли?

Этот бонус был ему по нраву. Кларисса нащупала в нем эти слабины, его страсть к искушению: сделать что-то запретное, накуриться, закинуться, продать липовый товар, замутить с ученицей.

Или же влезть в потусторонний бизнес.

Получается, он угодил в эдакое испытание. Либо пан, либо пропал.

– Ну-у-у... так кому звонить? Где там эти ваши Господа?

Когда ему что-то обещали, Данила становился податливым как пластилин.

Кларисса выложила на столик между ними кусок пчелиных сот и старинный нож.

– Ты должен вызвать Господ на свою кровь, – спокойно сказала Кларисса.

– На свою? – глуповато переспросил он.

– Ну, так ты же с ними связываться будешь. Что сидишь? Хочешь учиться и быть в игре? Тогда бери нож и режь ладонь, а дальше брызни на соты. Да ты сообразишь, что к чему. У тебя есть дар. Он тебя поведет.

В голове было много дурацких вопросов. Почему соты? Почему надо обязательно кромсать себя?

Но серебряный нож с замысловатой ручкой гипнотизировал. С сомнением он взял его в руки, и неожиданно тот оказался очень легким, почти невесомым. На рукоятке был крошечный красный камешек. Красивая вещица и явно со своей историей. Неуверенно Данила покрутил нож туда-сюда, ловя лезвием тусклый свет лампы, который охотно растекся по всей его поверхности. Нож стал почти золотым...

Один короткий надрез.

Ну же.

Боль проходит.

Играть так играть.

Медленно Данила прижал лезвие к внешней стороне запястья и решительно полоснул.

– Ау, ау, ау! – тут же вырвалось у него.

Но кровь потекла. Она закапала. И что-то началось.

Специально он не прицеливался, но первые капли упали точно на ячейки и заполнили их до краев. Эта картина необъяснимым образом его заворожала.

Соты, полные крови.

Взгляд остановился, а время замедлилось.

Комната померкла и растворилась, и пространство вокруг стало приобретать странные очертания. Появилась тусклая земля, присыпанная золотой пылью, а в слух проник гул, походивший на рой насекомых. Издалека... из глубин... к нему направлялась армия.

Время сдвинулось, но тяжело. Он снова мог шевелиться, правда, как-то вязко, и обнаружил, что стоит на перекрестке. Откуда тот взялся или как Хаблов на нем оказался, было загадкой. Но отчетливо ощущалась странная сакральность этого места: в воздухе, тонкой туманной дымке, золотой пыли под ногами и дрейфующем вокруг полумраке.

Это была точка, где встречались координаты, которые никогда не пересеклись бы в реальности. Траектории смешались, и пространство надломилось.

Гул стал таким громким, как будто невидимый рой был уже везде. Но никого не было видно.

А что это?

Посередине перекрестка стоял камень, метра три высотой. Его можно было назвать грубой колонной или обелиском. По шершавой поверхности бежали странные символы и рисунки. Он обогнул камень и замер в легком ужасе. С другой стороны на него уставилось лицо. Он подавил крик и присмотрелся.

Лицо было высечено прямо на поверхности камня. Открытый рот, намек на нос и провалы глазниц. Казалось, оно втягивает в себя все вокруг, и пространство утекает сквозь этот рот-тоннель куда-то... в иные миры.

Внезапно он спиной ощутил, как некто пришел на зов его крови, наполнившей пчелиные соты. И стало вдруг тихо. Невидимые насекомые замолкли.

Данила боязливо обернулся. Контуры фигуры колебались и рябили, как изображение в плохо настроенном телевизоре. Истинный облик пришедшего был защищен вуалью.

– Ты позвал, и мы пришли, – раздалось отовсюду, как многоголосый хор.

– Так это вы... Господа? – настороженно поинтересовался Данила, все еще сомневаясь, что с ним говорит кто-то реальный.

Все в этом месте казалось слегка призрачным, припорошенным золотой пылью, туманившей видение. Собственный голос звучал как дорожка чужого эха...

– Можешь звать нас так. Мы ждали тебя.

– И что вам от меня нужно?

– Служение, – незамедлительно последовал ответ. – Ты выступишь для нас ритуал.

Данила сощурился, разглядывая «клиента». Показалось, что из-под накидки рассеивается слабый свет, но он не ручался, что ему не привиделось.

– Вот это самый важный момент наших переговоров, – нахально начал он. – Я должен знать, во что ввязываюсь.

Ему показалось, что Господа усмехнулись. Тональность жужжания дрогнула...

– Еще рано. Ты должен пройти путь учения, чтобы постигнуть смысл будущей работы. Пока же нам необходимо согласие. Мы не можем посвящать тебя в детали работы, если ты не отдашь себя в служение.

– Да что за служение, черт возьми? – начал он раздражаться мутной формулировкой.

– Все слуги, даже наемные, – исполнители чужой воли. Ты будешь выполнять нашу. Ты легко нас призвал, значит, равен Клариссе по силе и встанешь на ее место. Однажды ты будешь говорить с нами вместо нее.

Данила сглотнул. Происходящее начинало отдавать жутью. Он провел какой-то ритуал по наводке этой гримзы, назначения которого даже не знал. Его забросило куда-то за пределы человеческого мира, на перекресток с жуткой статуей, и затем к нему пришли... они, оно, скорее, все же они.

– Это договор? – понял он. – Вы хотите состряпать со мной контракт?

Жужжание стало синхронным. Это было явным «да».

– Ты же на Перекрестке. Здесь заключаются все сделки.

– А вы в курсе, что меня втащили в это дело против моей воли? – предпринял он последнюю попытку прояснить положение. – Я – по сути, раб. Так зачем мое согласие?

Аморфная фигура вдруг превратилась в одну бесконечную горизонталь, подпрыгивавшую в воздухе, как чья-то испуганная кардиограмма.

– Нам неважно, как ты пришел к Клариссе. Наши с тобой отношения регулируются другим законом. Мы не из вашего мира. Значит, полагается договор перед Стражем.

И они колыхнулись в сторону жуткого каменного истукана. Голова Данилы варила как бешеная, пытаясь восполнить информационные пробелы логикой. Итак, Господа не могут юзать его без его согласия, таковы какие-то метафизические законы этой золотой реальности. Если он не даст согласия, то и сделки не будет, и ритуал сорвется. Значит, Кларисса убьет его за ненужностью и будет искать нового протеже. Плохой вариант. Но если согласится и вытерпит, тогда идет сценарий (м)ученичества, а в конце – свобода, и он сам себе Гарри Поттер.

Остался еще один вопрос.

– Какие условия, отклонения, штрафы?

– Ты не можешь служить другим. Если нарушишь нашу волю, мы разорвем контракт и больше в тебе не будем нуждаться. Нельзя быть дланью нескольких господ. В этом смысл истинной службы.

Данила все еще колебался. В их фразе, что они больше не будут в нем нуждаться, скрывался океан других смыслов.

– Оки-доки, где подписывать?

– Дай нам руку.

Из складок накидки высунулась золотая ладонь, и Данила распахнул глаза. Такого он еще в природе не видал.

– Обещай служить нам верой и правдой, Данила Хаблов.

– Обещаю.

– Ты исполнишь любой наш приказ.

– Выполню.

– Срок твоей службы определяется свершением нашего ритуала. Затем ты свободен. Ни Кларисса, ни мы не имеем права удерживать тебя после.

– Круто.

Между ними вспыхнул свет, а из обелиска понесся странный вой. У Данилы тряслись поджилки, но он держался. Надо было это сделать, раз уж события так сложились и другого выхода нет...

Что-то происходило вокруг. Золотая пыль завихрялась, а Господа перестали сохранять форму. Их рассеивало...

– Если захочешь встретиться с нами, вызови на кровь снова. И мы придем.

«Придем-придем-придем» – прогремело вокруг.

Силуэт Господ превратился в черный смерч. С надрывным гулом он разнесся во все стороны. Данилу ударил в грудь порыв ветра, и он с трудом удержался на ногах.

Наступила тишина.

Остались только он и пугающая статуя на перекрестке.

У него потемнело в глазах.

* * *

– Ну что ты как барышня... ей-богу... – ворчливо проник в сознание голос Клариссы. Барышня. Сто лет он этого слова не слышал.

Данила открыл глаза и поднялся в кресле. Кажется, у него был обморок. Перед ним на столике лежали покрасневшие соты, но они были уже пустые. Кровь исчезла. Все вокруг пошатывалось или же это его голова. Кларисса сидела напротив него с хитроватой ухмылочкой. Видать, интересно было наблюдать за его злоключениями.

– Поздравляю. Твой первый выход к Перекрестку. Недурно.

Ему хотелось блевануть, просто ударить в нее мощной струей черт знает чего, так ему было плохо после этого трипа в заповедье. В ушах все еще тонко звенело.

Соты и кровь – какая мерзость.

– Воды дай, – только хрипло сказал он.

Кларисса проворно встала и ушла на кухню. Минут пять Данила сидел с закрытыми глазами и открыл их, как только услышал шлепки ее тапочек. Он выдул стакан залпом и накинулся с вопросами:

– Так, объясняй сейчас же, кто эти Господа? Что им надо?

На «вы» обращаться он к ней перестал: она не заслужила вежливого обращения.

– Господа – из другого мира. Но их дело связано с нашим. Поэтому они нашли медиума, который может их видеть и работать с энергией, и заключили с ним контракт. Я служу им, не просто так, разумеется. Все остальные договоренности налагаются на мой с ними контракт, в том числе и твоя.

– И что... миров много? – нервно хихикнул Хаблов.

– Ты не поверишь, – совершенно серьезно ответила Кларисса. – Представь, что устройство Вселенной похоже на пчелиные соты с бесконечным количеством ячеек. Соты видел же только что? Самая совершенная конструкция, созданная насекомыми. Она же – буквальное отражение устройства жизни. Пчелиные соты не предполагают зазоров и нестыковок. Так, в общем-то, устроена и наша Вселенная: это соты, и в каждой – мед, жизнь.

Ответ его удовлетворил. В нем была логика.

– Оке-е-ей, а что за Перекресток?

– Место для переговоров. Оно ничье. Когда хочешь поговорить с кем-то из другого мира, нужно выйти туда и вызвать их. Это очень древнее правило, которое существовало до людей. Обо всем этом остались только намеки в мифах и обрядах древних скандинавов. Там очень много всего было связано с перекрестком.

Что-то подобное Данила припоминал. В древности верили, что на перекрестках избавлялись от врагов, недугов, общались с нечистой силой...

«Не подбирай ничего на перекрестках, найдешь неприятности!» – одергивала его в детстве бабушка, когда он тащил любую вещь с земли в дом...

Вот откуда все это пошло.

– Выходить может только медиум? – проницательно спросил он и получил благосклонный кивок.

– Верно. Поэтому мы зовемся еще и посредниками или пограничниками.

– А откуда это вообще все пошло? – нахмурился Хаблов. – В чем суть медиумов? Они носители какого-то супергена? Их сбросило НЛЮ? Почему мы такие особенные?

Кларисса поскребла подбородок, раздумывая над его вопросом.

– Ходят слухи, что в начале времен существовали три женщины, чьи имена забыты, но известны они под образами Старухи, Матери и Девы, – заговорщицки начала ведьма спустя мгновение. – Они и были первыми медиумами, жрицами богов, которым поклонялись древние люди. В мифах и легендах им часто приписывали внеземную сущность, называли норнами, мойрами, судженицами... Они передали эти знания и обряды другим поколениям, вложив в кровь, ибо медиумами рождаются.

Данила откинулся в кресле и выдохнул. Перед ним стали открываться истины, до которых каждый хотел бы докопаться.

– Если они были жрицами богов, то где сами боги? – здраво спросил он.

Взгляд ведьмы подернулся странной дымкой. В обманчивом свете желтых ламп ему показалось, что в ее глазах течет золото.

– Боги ушли давным-давно. О них не осталось правды. Их храмы разрушены. Их имена забыты. Есть только легенды и мифы, наскальные рисунки, поверженные обелиски и павшие колонны. Все боги нас покинули, Данил. Им нужно создавать дальше. В бесконечность. А мы уже созданы.

Глаза Хаблова пораженно распахнулись. Он почувствовал, что ему сейчас открыли одну из тайн бытия, сакральное, забытое знание. Кларисса улыбнулась с долей понимания. Он был заморожен, потому что увидел через ее глаза и услышал через ее слова то, на что не могли найти ответы ученые, теологи и простые люди. Непроизвольно Данила облизал пересохшие губы.

– Значит... они – начало начал?

Та кивнула, выглядя необычно задумчивой.

– Считай, что боги – наиболее совершенная форма жизни во Вселенной. Они создали ее структуру и оформили миры, в том числе и тот, где живем мы с тобой. Боги – конструкторы, архитекторы. Их задача – строить.

Невольно он склонялся к Клариссе все ближе и ближе. Его светло-голубые глаза вросли в ее разноцветные. Между ними неожиданно наладился необъяснимый контакт. Эта встреча начала необратимый процесс перемены их отношения друг к другу. Чем-то они были похожи. Эдакое сочетание беспринципности с широтой взглядов.

Но больше она ничего не добавила, поглаживая уснувшего Пушистика. Ее взгляд погас, как будто свет внутри выключили. Но у Данилы всегда были вопросы.

– Почему они ушли?

– Мы у них кое-что украли, – мутно ответила Кларисса. – Если раньше люди были им просто безразличны, то теперь они глухи к нам. Пусть мы пропадем вместе с тем, что похитили. Поэтому делай что хочешь, но ты уже обосрался.

– Что же было украдено? Божественный огонь?

– Хуже: гордость и знания.

Данила размышлял над полученной информацией. Звучало криптологически, и понять ее метафоры в этот поздний час представлялось невозможным. Глаза слипались...

Руки сами взяли нож, которым он начал ритуал. Тот был безумно красивый. Невольно Хаблов проникся пониманием к людям, которые коллекционируют холодное оружие. В этом была своя, слегка извращенная, эстетика.

Картина сложилась. Задумчиво он прижал лезвие к кончику указательного пальца. В основе любого контракта лежит принцип жертвоприношения. Он же отражается и в самой сделке. В этой связи кровь выступает как особый проводник.

«Полагается договор перед Стражем...» – эхом разнеслись в его голове слова Господ. И вспомнился каменный болван, напугавший его до чертиков.

– Кстати, что за хрень торчит посреди Перекрестка? – запоздало спросил Хаблов.

– Это Страж, – устало отозвалась ведьма. – С ним тебе тоже надо будет иметь дело.

– Так оно... э-э-э... живое?

Кларисса издала сомневающееся «хм-м-м» и поразмышляла с минуту.

– Не уверена, что живое. Этот камень поставили боги, когда создавали миры. Перекресток – не совсем реальное место в физическом смысле. Это... лазейка между мирами, которую надо было обезопасить. Боги возвели там Стража, но он ни живой, ни мертвый. Именно он не дает мирам сливаться. Выглядит как каменный столб, но суть его сложнее. Он связывает все миры и фильтрует всякий сброд. Все сделки и контракты легализуются им. Он – объективная третья сторона, судья, если хочешь.

«И кажется, будто он тебя видит», – подумал Данила с содроганием.

Кларисса снова пожухла, из ее лица ушли цвета.

– Ну что, Хаблов, кое-чему ты научился сегодня. Хватит. Ложись тут на диване, а утром заберешь свое барахло у Рут. Теперь ты мне нужен здесь.

Она ушла к себе, и воцарилась тишина. Данила остался в темноте, и в гостиную лишь слегка попадал свет фонаря с улицы. Делать было нечего, и он лег на продавленный диван. Но уснуть не получалось. Так он лежал, моргал и слушал, как Пушистик цокает когтями по коридору.

Боги... пчелы... миры-ячейки. Они, оказывается, просто гигантские соты в океане хаоса, а тут такие разговоры ведутся: про единого творца, дьявола и нанотехнологии. Смешно.

6

Один в поле воин

*But I can't help it, I don't know how,
I guess I'll always be hanging around with the wrong
crowd.*

*Я ничего не могу с этим поделать,
Думаю, что я всегда буду тусоваться в плохой
компании.*

Tom Odell, «Wrong Crowd»

«„Мир увидел очередную атаку „Невидимой армии““. Однако новые материалы, которые они предали гласности, вызвали волну скептицизма». *Новостной портал «Обзор 24»*

«Министр обороны отрицает какую-либо причастность государства, а также силовых структур к обнародованным материалам о закрытой тюрьме „Прометей“.

„Совершенно очевидно, что это очередная попытка дискредитации, авторы которой на этот раз вдохновлялись фильмами ужасов низкого пошиба“, – заявляет Геден фон Дорст.

Обнародованные ранее видеозаписи якобы из тюрьмы „Прометей“ демонстрируют весьма неоднозначную информацию». *«Южногерманская газета»*

«Новое видеосообщение от „Невидимой армии“, опубликованное во всех социальных сетях и на хакерских форумах, разделило общественность на два лагеря: одни считают их правдоискателями, нашедшими доказательства антигуманных экспериментов в тюрьме „Прометей“, а другие активно поддерживают версию о фабрикации данных ради так называемого черного PR. Мы решили лично узнать правду у начальницы тюрьмы Мирры Василякис.

– Как вы можете прокомментировать обнародованные видеозаписи?

– Это подделка. Где вы вообще видели тюрьмы с граффити на стенах и амбарными замками? „Прометей“ оснащен по последнему слову техники. Видеоматериалы явно сделаны в подвале какого-то дома.

– Однако на видео видны указатели на стенах: „Казармы“, „Столовая“, „Больничное крыло“. Более того, как вы прокомментируете многочисленных охранников в форме „Прометей“?

– Вы слышали о ролевиках, о реконструкции? Толпы ряженных бегают с эльфийскими мечами или в форме солдат СС и инсценируют различные битвы. Можно сшить аналогичную нашей униформу, развесить таблички на стенах и смонтировать псевдодокументальное видео. Цель „Невидимой армии“ – дискредитация официальных учреждений и властных структур государства. Она подрывает стабильность и порядок. Мы призываем людей более критично оценивать информацию. В данном случае все выглядит как фарс и дурная

шутка. Мы разыскиваем тех, кто за этим стоит, и, поверьте, они будут найдены и наказаны.

– Готовы ли вы впустить прессу в „Прометей“? Ранее тюрьма была закрыта для посетителей и журналистов.

– Если необходимо, мы устроим вам экскурсию».

Из интервью журналу «Шпигель»

* * *

– Нико, слушай, это бред сивой кобылы!

Нико сидел на столе в их варшавском бюро, в подвале бывшего склада, и к нему устремились глаза братьев по оружию. Не все смогли прилететь на эту встречу. Якко болел, Хосе не успел купить билет из Перу... Не было и Саида, он встрял с учебой. В его поддержке Нико нуждался больше всего, потому что после смерти Винсента он остался его единственным близким другом.

– Почему? – нахмурился он. – Мы делаем то, чего хотел бы Винсент. «Невидимая армия» должна действовать дальше. Нельзя уйти в подполье. Потому что именно сейчас мы нашли неопровержимый компро...

– Нико! – воскликнул один из них и встал в полный рост. – Ты газеты читал?

Это был Аки, самый вредный кадр. Но все же раньше он чаще помалкивал, а значит, разделял их цели. Сейчас он не выглядел согласным.

– Конечно, читал! – запальчиво воскликнул Нико, хотя это было сильно сказано: пробежался по обложкам и заголовкам.

– Тогда просто проанализируй эффект, который получился после слива видео.

– Вот именно, – вслед за Аки поднялся и Кшиштоф. – Акифуми прав. Эффект был совсем не тем. Раньше мы находили реальные улики, а в этот раз нам ничего не удалось. Эти материалы не могут пройти верификацию. Невозможно доказать, что это на самом деле там происходило...

– Но мы там были! – неожиданно заорал Нико, спрыгивая со стола и сверкая глазами. – Я и Винсент спустились в ад, слышали крики и видели пленников. Кем бы они ни были, это бесчеловечно!

Воцарилась неприятная тишина, которую разряжало лишь гудение компьютеров.

– И я видел, как убили Винсента, – севшим от крика и горечи голосом добавил Нико. – В него выстрелила эта баба, которая сейчас льет на нас грязь в каждом журнале.

– Ты знаешь, что Мирра Васиلاكис пригласила в тюрьму журналистов? – тихо спросил Кшиштоф, сложив руки на груди и глядя на Нико исподлобья. – Не читал еще? Тогда лови!

И он метнул в него помятый журнал. Тот поймал его, не сводя с Кшиштофа яростного взгляда. Нико ненавидел, когда его не воспринимали всерьез. Плевать, сколько ему лет. Сейчас только он знает, что творится за стенами «Прометея»...

Дрожащими руками Нико перевернул журнал: «Шпигель», одно из наиболее солидных периодических изданий в Германии. На обложке красовалась женщина в знакомой серой форме с погонами на плечах. Темные кудри собраны в строгий узел, на лице нет косметики, а в глазах застыло холодное, нейтральное выражение, как у всех военных. Она походила на орла, наметившего себе добычу.

«Мирра Васиلاكис: Я покажу вам настоящий „Прометей“», – кричал заголовок жирными буквами.

Нико нервно перелистнул страницы, из-за своей порывистости случайно выдрал одну. Вот и статья на пять разворотов, включая фотоматериалы.

«Экскурсия в ранее закрытую тюрьму „Прометей“ прошла в сопровождении министра обороны Гедена фон Дорста...»

«...оснащенный последними технологиями наблюдения...»

«...абсолютная изоляция заключенных...»

«...мебель в камерах из литого бетона...»

Пальцы дрожали и липли к страницам.

Знакомые стены... Но теперь в них появились настоящие камеры. И туда даже напихали каких-то заключенных.

«Что это, что это...» – стучало в голове у Нико.

Это они фальсификаторы, а не «Невидимая армия». За неделю с небольшим чиновники умудрились отгрохать крутые новые двери, соответствующие тюрьмам, приварить мебель и запахнуть левых узников... И эта ложь завернута как правда.

«Правда... скажешь тоже... Нико, правда служит сильным и богатым. У кого все источники информации, у того и правда», – пророкотал в его голове низкий голос Винсента, который однажды поделился с ним этой нехитрой мыслью.

– Это не тот «Прометей», – ответил Нико спустя пять минут. – Это лажа какая-то, фикция.

– Но ей верят больше, чем нам, – отрезал Аки. – Вы с Винсентом... безусловно, нашли что-то странное. Мы – свидетели. Мы видели вашу прямую трансляцию с самого начала до ее трагического конца. Но у вас нет никаких объяснений тому, что вы сняли. Мы не нашли никаких документов. А видео общественность восприняла как какую-то хохму. Пойми уже: операция провалилась.

И он с жалостью уставился на Нико. Тот замер под прицелом их пристальных взглядов, одинокий и сломленный. Кожаная куртка на два размера больше только подчеркивала его незначительность. Ну как же: они все – взрослые парни, а ему всего пятнадцать.

«Если бы только Саид был тут... – обреченно думал он. – Уж он бы меня поддержал».

Мирра Василякис смотрела на него с обложки «Шпигеля» с презрением и торжеством.

«Поганая сука! – думал он. – Ты пристрелила моего лучшего друга, который был мне как брат, а теперь пытаешься уничтожить правду о себе и своей тюрьме. Чтоб ты сдохла...»

– Это не конец, – сумрачно сказал он, собравшись с мыслями. – Надо бороться дальше. Мы взломаем все их компьютеры, найдем то, что они скрывают о «Прометее», а если нужно... пойдём туда снова и вытащим на свет божий правду! Я знаю, как туда попасть незамеченным, там есть вход...

– Кто это – мы? – холодно перебил его Кшиштоф.

– Мы – «Невидимая армия».

– Нико, да очнись ты уже, – подал голос кто-то еще.

Впервые он оглядел всех так, как будто с глаз сошла пелена. Он не видел команду супергероев, которой так восхищался. Сейчас перед ним была группа недружелюбных парней, которые ему не верили.

Аки подошел к нему вплотную, и Нико уставился в его равнодушные раскосые глаза.

– А почему ты вообще что-то решаешь и планируешь? – тихо спросил он.

Но его вопрос слышали все.

– Потому что... Винсент умер. И я там был, – беспомощно повторил он.

– Ты что, его преемником себя возомнил? – И Аки позволил себе веселую ухмылку, которая не вязалась с его холодным взглядом. – Смотрите, наш новый лидер.

Кто-то хихикнул.

Нико не чувствовал ног и проваливался в бездну. Нет, что-то идет не так. Они – команда, армия и всегда действовали как единый организм...

Или только Винсент мог ими управлять. А как только он исчез, их братство начало расплзаться в разные стороны.

Аки склонил голову над Нико и произнес тихо и отчетливо:

– Винсент умер. И ты – не вместо него. Ты не будешь решать, что нам делать. У меня нет желания вместо одного самодура встречать другого и потакать пацану, который еще даже бриться не начал.

Кажется, кто-то начал говорить, что думает...

Аки повернулся ко всем и громко заявил:

– Я не вижу больше смысла в «Невидимой армии». Я долго молчал, несмотря на то что Винсент под конец очевидно стал бредить. Теперь все превратилось в трагикомедию. Жаль: идея была здравая. Дальше – без меня, я возвращаюсь в Токио.

Он махнул всем и быстро покинул бюро. Нико не верил ушам. Его душили обида и ярость, и хотелось догнать Аки и звездануть ему под глаз, да так, чтобы тот летел в свой Токио без самолета... Кулаки непроизвольно сжимались и разжимались, но нужно было взять себя в руки.

– Оно и к лучшему, – с дрожью в голосе сказал он. – Я хочу предложить план, который вернет нам нашу репутацию, а также даст контроль над этими гнидами в правительстве и «Прометее»...

Все опять скептически уставились на него, но царило молчание. Значит, им хотя бы интересно. Нико поднял повыше голову и продолжил:

– Нам нужно средство давления. Чтобы они сами выдали нам информацию, которую мы не можем найти. Надо взломать банки, клиентами которых являются все чиновники, Мирра Васиلاكис – в первую очередь, и получить информацию об их доходах, номера социального страхования, банковские транзакции... Далее взломать личные компьютеры каждого и поискать приватный компромат. Затем связаться с ними и запросить правду в обмен на конфиденциальность их данных. Для наглядности обнародовать кое-что, чтобы другие знали, что их ждет то же в случае неповиновения. Большинство чиновников после этого сольет даже то, что нам не нужно. Да они маму родную продадут, лишь бы их личные данные были в сохранности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.